

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

Звонкий ветер
странствий

Двойник Светлейшего

Андрей Бондаренко

Звонкий ветер странствий

«Автор»

2010

Бондаренко А.

Звонкий ветер странствий / А. Бондаренко — «Автор»,
2010 — (Двойник Светлейшего)

От автора: Совсем недавно – весной 2010 года – на сайте ЛитРес была выложена третья книга цикла «Двойник Светлейшего» – «Аляска золотая». За последующие месяцы я получил порядка ста двадцати откликов: похвалы, насмешки, предложения по совершенствованию текста... Удивительно, но главное «требование» читателей звучало примерно так: «Пусть главные герои всю третью книгу плывут! Успеется ещё с этой Аляской, никуда она не денется...» Звучали и такие пожелания: «А нельзя ли добавить морской романтики? Побольше, да помахровой? Кровожадных пиратов, например... И, пожалуйста, введите в текст чуток мелодраматических сюжетных линий! А то суховато как-то у вас... А можно Петра Первого сделать малость похитрей, посообразительнее и поковарнее? Государственный деятель, как-никак! А можно...» Что же, иду навстречу уважаемым читателям. Пусть будут пираты, махровая романтика и элементы южноамериканской мелодрамы. Почему бы, собственно, и нет? А приключениям героев на Аляске будет посвящена отдельная книга. Она, скорее всего, будет называться «Золотая Аляска»... То есть роман «Аляска золотая» трансформируется в два романа – «Звонкий ветер странствий» и «Золотая Аляска».

© Бондаренко А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвёртая	29
Глава пятая	39
Глава шестая	45
Глава седьмая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Бондаренко

Звонкий ветер странствий

От автора

Совсем недавно – весной 2010-го года – на сайте ЛитРес была выложена третья книга цикла «Двойник Светлейшего» – «Аляска золотая».

Мне трудно говорить о качестве (литературном и ином) данной книги. Но... За последующие месяцы я – по самым разным каналам, включая личную электронную почту и пиратские сайты – получил порядка ста двадцати откликов: замечания, пожелания, советы, насмешки, хвалебные и одобрительные высказывания, предложения по совершенствованию текста...

Удивительно, но главное «требование» Читателей звучало – в обобщённом виде – примерно так: – «Пусть Главные Герои – всю третью книгу – плывут! Успеется ещё с этой Аляской, куда она не денется...». Звучали и такие пожелания: – «А нельзя ли добавить морской романтики? Побольше, да помахровей? Кровожадных пиратов, например... И, пожалуйста, введите в текст – чуток – мелодраматических сюжетных линий! А то, суховато как-то у вас... А можно – Петра Первого сделать малость похитрей, посообразительнее и поковарнее? Государственный деятель, как-никак! А можно...».

Что же, иду навстречу уважаемым Читателям. Пусть – будут пираты, махровая романтика и элементы южноамериканской мелодрамы. Почему, собственно, и нет? А приключениям героев на Аляске будет посвящена отдельная книга. Она, скорее всего, будет называться – «Золотая Аляска»...

То есть, роман «Аляска золотая» трансформируется в два романа – «Звонкий ветер странствий» и «Золотая Аляска».

Вполне возможно, что когда-нибудь будет написана и заключительная (шестая) книга этого цикла – «Выбор-побег».

*С уважением,
Автор*

Глава первая

Неожиданный поворот событий

– Каждому – да воздастся по делам его! И за все – в целом, и за каждое дело в отдельности...», – важно вещал тщедушный тибетский лама, прибывший в Питербурх с визитом вежливости. – Подлость – рано или поздно – будет отомщена, доблесть же вознаграждена – все непременно и по достоинству... Только, вот, что для одного человека кажется благим делом, другому человеку может представляться самой гнусной подлостью. Ну, и наоборот... Только, всё равно, за каждое свершённое дело – воздастся, так или иначе...

Лама ещё поболтал немного – недели так полторы – да и отбыл с подвернувшейся okazji в просвещённые Европы – поучать тамошних умников хитрым восточным философским сентенциям...

Наступил август 1703 года¹. Александр Данилович Меньшиков, Светлейший князь Ижерский, генерал-губернатор Ингрии, Карелии и Эстляндии, кавалер ордена Андрея Первозванного – со звездой и голубой лентой, один из богатейших людей России – откровенно благоденствовал. Дела шли – лучше не бывает: новый город-порт Питербурх успешно строился, возводились крепкие береговые молы, корабельные верфи, по Финскому заливу уверенно и безбоязненно ходили русские многопушечные корабли, не подпуская даже близко к берегам невского устья шведский флот неугомонного короля Карла Двенадцатого.

Вернее, по-настоящему Светлейшего князя звали – Егор Петрович Леонов, был он послан в Петровские времена из далёкого и необозримого Будущего, и ещё в 1687-ом году «заменял» подлинного Алексашку Меньшикова. То есть, Егор Леонов переместился в самый конец семнадцатого века, а Александр Данилович – в славный 2009-ый год.

Возникла, вот, такая срочная необходимость. Некоторые злонамеренные «экспериментаторы» решили отправить в Прошлое агента – с заданием убить русского царя Петра Первого. Зачем, спрашивается, убить? Да так, ради праздного любопытства – посмотреть, а что будет в этом случае с многострадальной Россией? Какой путь развития выберет русская элита того времени? В каком состоянии Россия – в данном раскладе – подойдёт к рубежу двадцатого века? Сохранится ли, как единое и великое государство, или же распадётся – на десяток-другой мелких?

Тайная международная служба «SV», целенаправленно отстаивающая интересы законопослушных землян, и решила направить «на место» царского денщика Алексашки Меньшикова опытного военного телохранителя из 2009-го года со строгим заданием: бдительно и тщательно охранять царя Петра, не допустить – любой ценой – чтобы ход Истории изменился. Ну, не знали ещё тогда сотрудники «SV», что любое значимое вмешательство в Прошлое – каждого конкретного мира – не оказывает никакого воздействия на Настоящее и Будущее этого же мира. Просто в данном случае рождается мир новый, параллельный, развивающийся самостоятельно... А, может, и знали. Просто не хотели, чтобы появился этот параллельный мир, так как существует теория, согласно которой у каждого первоначального («материнского») мира наличествует определённая «ёмкость». То есть, когда количество параллельных миров становится критичным, то происходит «взрыв», и на месте всех этих миров образуется Чёрная Дыра...

Какие такие «экспериментаторы», и что ещё за международная служба «SV»?

Вот, как в 2009-ом году объяснял Егору глава (Координатор) этой секретной службы:

---

¹ – Действие романа происходит в параллельном мире, к возникновению которого Г. Г. (главный герой) имеет непосредственное отношение.

– Вы в школе изучали биологию? Наблюдали через микроскоп за капелькой воды, наполненной разными микробами? И острой иглой тыкали в капельку? Очень хорошо! Тогда вы должны правильно меня понять. Представьте себе, что наша с вами древняя и прекрасная планета Земля, вместе со всеми её обитателями, это просто обыкновенная «капля воды, наполненная микробами», – под чьим-то микроскопом. Для нас проходят века, для того, кто сидит за микроскопом, часы, а может, даже, и минуты... И этот неизвестный исследователь, а по факту – многочисленные исследователи, упрямо ставят над бедными «микробами» разные опыты! Какие опыты? Да, самые разные. Например, определённому виду бесконечно глупых обезьян делаются инъекции, способствующие активизации работы головного мозга. Стимулируют и катализируют, выражаясь по-научному, процесс естественной эволюции. Время от времени – чтобы придать всему исследовательскому процессу требуемую динамику – доверчивому человечеству подбрасывают коварные «подарки»: колесо, технологию плавки бронзы и железа, письменность, счёты, современную демократию, двигатель внутреннего сгорания, динамит, ядерную бомбу, Интернет... Параллельно с этим осуществляются сложные и неоднозначные психологические эксперименты, моделируются различные поведенческие ситуации, провоцируются экстремальные процессы... Допустим, только на минутку, что такие одиозные фигуры, как Александр Македонский, Нерон, Наполеон, Пётр Первый, Емельян Пугачёв, Ленин, Гитлер, Сталин и многие другие неординарные личности, достаточно серьёзно повлиявшие на ход развития истории человечества, появились не сами по себе... Спрашиваете, откуда они тогда взялись? От горбатого верблюда. Их ввёли в игру наши «экспериментаторы». Понимаете теперь? «Экспериментаторы», как легко догадаться, не являются жителями нашей планеты. А служба, которую я имею честь представлять, как раз и отстаивает интересы «капельки воды, наполненной мирными микробами». Человеческой расой, то бишь. Пресекаем, по мере наших скудных сил, наиболее опасные и изощрённые эксперименты. Вот, и вам, господин Леонов, мы предлагаем оказать одну важную услугу – всему человечеству, так сказать, в целом...

Что же, цели и задачи у службы «SV» были, безусловно, высокими и благородными, Егор согласился на сотрудничество, подписал пятилетний Контракт (с гонораром в двадцать миллионов Евро, плюсом – маленький личный остров в Карибском море), и отправился в далёкий 1697-ой год – времена откровенно дремучие, жестокие и кровавые...

И первые пять лет он старался максимально честно и дотошно соблюдать все требования Контракта, а именно, предотвращал многочисленные покушения на жизнь царя Петра Первого, организовал действенную и надёжную охранную структуру, искренне старался, чтобы его действия не нарушили ход Истории. Но – по истечении срока Контракта – обратного «замещения» не последовало. То есть, произошла досадная техническая накладка, и Егор остался в Прошлом. Очень скоро он «обиделся» и начал подозревать, что служба «SV» его пошло обманула и подставила. А тут ещё и Любовь... И Егор начинал действовать сугубо по «своему усмотрению», всё больше и больше увлекаясь этим процессом, уже ставя перед собой чёткие и конкретные задачи. Даже сама мысль – о возвращении – стала ему глубоко противна. И когда, пусть и с многолетним опозданием, появился араб Аль-кашар, посланец Координатора, Егор отказался вернуться в Будущее (то есть, в Настоящее), а самого Аль-кашара – по приказу Егора – заключили в уральский острог. Ход Истории изменился. Пользуясь своими знаниями, полученными в Будущем, Егор уговорил царя Петра в корне поменять всю военную стратегию России, что позволило избежать целого ряда досадных воинских поражений, которые имели место быть в настоящей Истории. Даже Питербурх был заложен не на островах Невского устья, а в сорока километрах западнее, там, где в двадцать первом веке находился город Ломоносов²...

---

² – Всё произошедшее с Егором за эти шестнадцать лет описано в романах «Страж государев» и «Северная война».

Итак, наступил август 1703-го года. Погода стояла тёплая, но пасмурная, время от времени – из хмурых серых облаков – начинал капать ленивый и задумчивый дождик. Поэтому праздничные столы были накрыты не в молодом парке, возле звонкого фонтанчика, как задумывалось ранее, а на просторной крытой террасе, примыкающей к господскому дому. Благо, что с террасы открывался великолепный вид на Неву, где у новенького каменного причала на речных волнах тихонько покачивались старенький бриг «Король» и годовалый трёхмачтовый фрегат «Александр» – личный генерал-губернаторский корабль Егора, построенный, к тому же, на его собственные деньги.

Серьёзных поводов для скромных дружеских посиделок обнаружилось сразу два. Во-первых, необходимо было по-человечески отметить новоселье – наконец-то была окончательно достроена василеостровская загородная усадьба семейства Меньшиковых. А, во-вторых, Егоровой обожаемой и любимой жене Саньке (Шурке, Александре, Сашенции), то есть, Светлейшей княгине Меньшиковой Александре Ивановне, исполнялось двадцать шесть лет.

На Васильевский остров были приглашены и дисциплинированно прибыли только самые близкие: главный морской инспектор Алёшка Бровкин и его дочка Елизавета, которой недавно исполнилось три с половиной года, вице-адмирал Людвиг Лаудруп – с женой Гердой и сыном Томасом, младшая сестра Гертруды Матильда вместе со своим женихом – подполковником охранной Службы Фролом Ивановым, командир первого батальона Екатерининского полка подполковник Ванька Ухов, комендант Петропавловской крепости полковник Илья Солев и комендант крепости Шлиссельбург полковник Прохор Погодин – с супругой и пятью детишками. Ну, и уже без всяких приглашений, а просто проездом из голландского Амстердама на белокаменную Москву, появился Медзоморт-паша – полномочный посол Небеснородного турецкого султана, личный друг Егора и адмирала Алексея Бровкина.

А, вот, генерал-майор Василий Волков приехать не смог, так как во главе с пятнадцатитысячным воинским корпусом находился в Ливонии и готовился брать на шпагу курляндский город Митаву³.

Ждали, что из Москвы приедут и другие дорогие гости: царь Пётр Алексеевич, Екатерина и их малолетняя дочь Елизавета, царевич Алексей, царевна Наталья и князь-кесарь Фёдор Юрьевич Ромодановский. Но, совершенно неожиданно, третьего дня от царя пришло короткое письмо, в котором он немногословно извещал, что все московские высокородные особы прибыть не смогут – «по важнецким причинам, про которые будет рассказано отдельно».

– Какое странное и подозрительное письмо! – обеспокоенно нахмурившись, удивилась Санька. – Рука-то, без всяких сомнений, Петра Алексеевича, а, вот, слова совсем и не его. Чужие какие-то, холодные да казённые... Ты, Саша, часом, ничем не обидел государя?

– Да что ты такое говоришь? – недовольно передёрнул плечами Егор. – Какое неудовольствие может быть? Город активно и старательно строится, флот свободно плавает по всему Балтийскому морю, шведы отогнаны далеко и надёжно, взяты с боем крепости Выборг и Кексгольм...

– Ну, не знаю, не знаю! – тяжело и неуверенно вздохнула жена. – Предчувствия у меня какие-то странные, очень нехорошие и неуютные...

До начала праздничной трапезы оставалось ещё больше часа, поэтому все присутствующие разбились на три равноценные группы, каждая из которых занялась своими важными делами.

Женщины, первым делом, удалились на кухню – контролировать и подгонять ленивых поваров, мучить их бесконечными и противоречащими друг другу советами, по очереди снимать пробы с наиболее важных и ответственных блюд. Выполнив сию важную миссию, бла-

---

³ – Взятие города Митавы воинским корпусом под командованием Василия Волкова – авторский вымысел, то есть данное событие происходит уже в параллельном мире, который образовался в результате вмешательства Егора в ход Истории.

городные дамы дружной стайкой направились внутрь дома – наряжаться и прихорашиваться перед высокими венецианскими зеркалами.

Дети – во главе с неутомимым и хулиганистым двенадцатилетним Томасом Лаудрупом – с громким визгом носились по аллеям молодого парка, разбрызгивая во все стороны тёплые дождевые лужи. За ними присматривали няньки и денщики – под руководством Николая Ухова, родного дядьки Ваньки Ухова. Старый Николай занимал нынче должность Главного управителя всего загородного поместья князей Меньшиковых.

А мужчины, дымя курительными трубками, собрались вокруг небольшого костерка, лениво горящего в центре идеально-круглой, только с утра аккуратно выкошенной травянистой площадки. Некурящий Прохор Погодин, внимательно наблюдавший за детскими играми и забавами, спросил у Егора:

– Александр Данилович, смотрю, близняшки-то твои здесь – бегают, веселятся. А где же младшенький, Александр Александрович?

– На Москве остался наш Сашутка, – печально вздохнув, ответил Егор. – Катеньке и Петруше уже по семь с половиной лет, большие совсем, самостоятельные. А Шурику только четыре годика исполнилось недавно, да и болел он сильно по нынешней холодной весне, простуды замучили мальчика. Опять же, тесть мой, Иван Артёмич Бровкин, как-то постарел резко, загрустил совсем. А тут ещё Алёшка свою дочку Лизу забрал в эту поездку. Вот, Шура и остался с дедом, чтобы старику было не так тоскливо...

– Александр Данилович! – обратился к нему Алёшка Бровкин, ставший после смерти жены Луизы чрезмерно серьёзным и неулыбчивым. – Когда же будем штурмовать Нарвскую крепость? Принято уже окончательное решение?

– Да, братец, к пятнадцатому сентября велено собираться к Нарве. Наши две дивизии подойдут с тяжёлой осадной артиллерией от Питербурха, Пётр Алексеевич с отдельным корпусом подтянется со стороны Пскова. А Волкову Василию велено – после взятия Митавы – заняться городом Дерптом, то есть, Юрьевым, если по-нашему...

– Господа! – неожиданно вмешался Лаудруп, хорошо освоивший за последние годы русский язык, указывая рукой на Неву. – К причалу швартуется «Апостол Пётр». Я не велел ему этого делать. Сей фрегат должен был нынче стоять в котлинском порту. Наверное, случилось что-то очень серьёзное.

Егор вытащил из-за голенища ботфорта подозрную трубу и навёл её в нужном направлении. Действительно, со стороны Финского залива неторопливо подходил «Апостол Пётр» – 64-х пушечный фрегат, недавно спущенный на воду флагман русского военно-морского флота.

– Что же, придётся встречать гостей неожиданных! – решил Егор, тщательно выбивая курительную трубку о каблук ботфорта.

С борта замершего у причала «Апостола Петра» на пирс были переброшены длинные и крепкие сходни, по которым на берег стали торопливо спускаться солдаты в форме недавно созданной по Указу царя Московской дивизии⁴ – в полной боевой амуниции, с новенькими бельгийскими ружьями за плечами. А у трапа замер – весь из себя гордый, независимый и надменный – подполковник Антон Девиер⁵, демонстративно глядя в сторону и презрительно выпячивая вперёд нижнюю губу.

«Опаньки! Сколько же их, человек сорок пять будет! Однако...», – неприятно удивился подозрительный внутренний голос. – «Не иначе, совсем плохи наши дела, братец...».

---

⁴ Московская дивизия – авторский вымысел.

⁵ Антон Девиер – голландец с испанскими или португальскими корнями, в юности являлся личным пажом (денщиком) Петра Первого, в завершении карьеры дослужился (в 1718 году) до должности Генерал-губернатора Санкт-Петербурга.

– Как это прикажете понимать, господин подполковник? – гневно посверкивая единственным голубым глазом, глухо и недобро спросил Алёшка Бровкин, обращаясь к Девиеру. – Что молчишь, сукин кот голландский? В морду захотел, гнида худосочная? Я к тебе обращаюсь...

По сходням – под тяжестью уверенных шагов – забухало грузно и размерено, и знакомый раскатистый бас властно заявил:

– Молчать, вице-адмирал Бровкин! Молчать! У меня дело наиважнейшее, государево!

На василеостровский берег неторопливо и важно, грозно и многообещающе хмуря седые кустистые брови, сошёл сам князь-кесарь Фёдор Ромодановский – начальник царской Тайной Канцелярии.

– Здравствуй, князь Фёдор Юрьевич! – вежливо и уважительно обратился к князю-кесарю Егор. – Проходи к столу, гостем будешь!

– Извини, Александр Данилович! – невозмутимо прогудел в ответ Ромодановский. – Но не в гости я приехал к тебе... Извини, ещё раз. Указ царский у меня! – небрежно махнул рукой в сторону. – Давай-ка, отойдём на пару слов...

Князь-кесарь уселся на каменный парапет набережной (уже одна десятая часть береговой линии Васильевского острова была надёжно забрана в камень), задумчиво глядя на речные просторы, поведал:

– Знаешь, Данилыч, я ведь давно уже подозревал, что ты – не от мира сего. Мне же – по должности важной и заметной – люди много чего рассказывают о том, что видели и слышали. Каратэ это твоё, японские метательные звёздочки, синяя глина, которую ты называл «кембрийской», умение откачивать утопленников, картошка и блюда из неё... Ведь, не было никакого пожилого индуса, который странствовал вместе с цыганским табором и обучал тебя в отрочестве всяким хитрым премудростям? Не было, чего, уж, там! Стал я внимательно присматриваться к тебе, и многое мне показалось странным: и речь твоя, и повадки, и поступки – иногда избыточно милосердные и глупые. Всё ломал я голову, мол: – «Где же та верёвочка, за которую надо дёрнуть, чтобы до конца распутать весь этот тайный клубок?». А потом мне охранный офицер из Преображенского дворца поведал одну интересную и занимательную историю. Мол, перед самым отъездом на штурм шведской крепости Нотебурга генерал-губернатор Меншиков долго о чём-то беседовал с Яковом Брюсом. И после этой беседы вышел означенный Светлейший князь Меншиков из Брюсовых палат очень и очень задумчивым... «Ага!», – смекаю. – «Вот же, оно...». Подступил я тогда к Петру Алексеевичу, чтобы он отдал мне этого богопротивного и слегка сумасшедшего Брюса. Государь долго мне отказывал, а потом сдался и отдал... Только при одном условии – Брюса не пытать и на дыбу не подвешивать. Мол, слабое здоровье у Якова, может не выдержать допросов с пристрастием и отдать Богу душу... А ещё при этом разговоре вспомнил Пётр Алексеевич об одном арабском басурмане по имени Алькашар, который томился в заключении – по тайному приказу всё того же генерал-губернатора Меншикова – в дальнем уральском остроге... Что побледнел-то так, Александр Данилович, голубь сизый?

– Знаешь, Фёдор Юрьевич, мне одно только не понятно, – проговорил Егор помертвевшим голосом. – Ведь всё то, о чём ты сейчас мне рассказываешь, происходило почти три года назад. Почему же ты только теперь приехал по мою душу?

– Не всё так просто! – нахмурился Ромодановский. – Во-первых, с басурманом Алькашаром. Антошка Девиер, которого послали за этим арабом, по дороге заболел и всю первую зиму провалялся в горячке, руку ещё себе вывихнул – при падении с резвой лошади. Наступила русская распутица, то, сё... Потом, когда длиннородого, всё же, доставили в Москву и вздёрнули на дыбу, выяснилось, что наш Алькашар по-русски не знает ни единого слова. Да и английский язык его... Даже Пётр Алексеевич плевался во все стороны. Нашли, конечно же, путного толмача с турецкого языка. Он такого перевёл – хоть сразу вешайся! Ладно, месяца

через три (иноземца всё это время, почитай, с дыбы и не снимали, то есть, регулярно и планомерно на неё подвешивали), нашли человека, хорошо понимающего арабскую речь. Опять началась всякая дурацкая белиберда. Мол, ты, Данилыч, и не Данилыч вовсе, а некто Леонов Егор Петрович, посланный к нам сюда из далёкого и неведомого Будущего. Более того, он, Аль-кашар, должен был тебя вернуть обратно, в двадцать первый век, да ты не согласился и отправил его, бедного, в далёкий северный острог... Иноземные доктора тщательно осмотрели странного басурмана, ознакомились с выдержками из его показаний. Все, как один, твёрдо заверили, что данный человек, безусловно, юродивый... Что делать дальше? Тебя вызвать в Москву и тоже вздёрнуть на дыбу? Так – что предъявлять? Что, мол, ты из Будущего проник к нам обманном путём, ни у кого не спрашивая разрешения? Да, закавыка...

– Так, у вас же ещё и Брюс был, – криво усмехнувшись, напомнил Егор.

– Брюс, Брюс! – пророкотал низкий бас князя-кесаря. – Толку-то... Не велено было его пытаться. Вот он и молчал. Очень плохо было Якову в темнице без его заумных книг, всяких хитрых штук и приборов, но крепился, сукин кот, молчал... И, вот, тогда-то я и догадался обо всём! – Ромодановский сделал многозначительную паузу. – Брюс многое помнил о тебе, охранитель, но и ты, наверное, знал про него что-то тайное и гадкое! За жизнь цеплялся Яшка, не хотел помирать. Понимал, что если он всё расскажет про тебя, то и ты не будешь молчать. А за ним, похоже, был великий грех, за который есть только одна достойная плата – плаха. Это – в лучшем случае... Что, я не прав?

– Прав! – покорно согласился Егор. – Но, давай, Фёдор Юрьевич, всё же, перейдём к моей скромной персоне. Чего о покойниках рассуждать?

– Это верно, про покойников-то! – скупой улыбнувшись, поддержал его Ромодановский. – Им-то, точно, уже ничем не помочь. Сколь ни старайся... Короче, я так рассудил, Александр Данилович. Если Брюс узнает, что ты безвозвратно и окончательно погиб, то, наверняка, станет гораздо сговорчивей... Что усмехаешься? Прав я? Одно только плохо, что поздновато я додумался про это. Старость всё, мать её... Ладно, разыграли мы ситуацию – по этим, как иноземцы говорят – по нотам. Объявили Якову, так, между делом, что ты, Данилыч погиб. Ну, при штурме всё того же шведского Нотебурга. Мысли-то мои были просты и бесхитростны: нет тебя больше, следовательно, и Брюсу нечего опасаться – вскрытия ответной тайны... Как бы так я рассуждал. Чего заулыбался-то, бродяга? Одобряешь? Правильно, что одобряешь... Тут-то, вот, всё и сложилось в единую картинку, как ты сам любишь говорить... Брюс, надо ему отдать должное, сперва не поверил. Но мы на восточном подмосковном кладбище выстроили твою могилку, Данилыч. Ты, уж, извини! Так было надо... Настоящую такую могилку, славную, с памятной табличкой и мраморным памятником: кавалер знатный в воинской треуголке, с бронзовой шпагой в ножнах – на левом боку... А ещё молоденькую дворянку нашли одну, которая здорово похожа на твою жену, прекрасную Светлейшую княгиню Александру Ивановну. Ростом, стройностью, фигурой, волосами пышными да серебристыми... Яков-то к этому времени и слухом сделался слаб, да и зрение его единственного глаза ухудшилось. Всё и прокатило – как по маслу. Встретился Брюс – около твоей, Данилыч, могилы – с твоей же безутешной «вдовой», ну, и поверил... А после этого рассказал про всё, что знал, более ничего уже не опасаясь. Главным образом, про фосфорные спички и про подлого французского доктора. Сразу же взяли и достославного господина Карла Жабо, вздёрнули на дыбу... Сознался он во всём, конечно же. Причём, почти сразу. Как ты подговорил его – ещё в далёком 1995-ом году – государя коварно обмануть... Когда об этом доложили Петру Алексеичу... Тебе про это лучше и не знать, охранитель! Даже я – по этому поводу – лишился любимого переднего зуба. Да, и поделом: не досмотрел в своё время... Очень, уж, государь убивался и сожалел. Не, это я не про тебя, Данилыч, а про русских баб и девок, которые – по твоей гадкой милости – прошли мимо государевой постели... На этом следствие и закончилось. В горячке Пётр

Алексеевич повелел – отрубить всем подлым врагам головы. Это я про Брюса⁶, Карла Жабо и араба Аль-кашара. Отрубили, понятное дело, чего уж... Теперь по твоей мерзкой персоне. Сперва и тебя государь хотел казнить: четвертовать, предварительно оскопив, ободрав кожу и выколов глаза. А жену твою, прекрасную княгиню Александру, отдать на солдатскую жаркую потеху... А потом, вдруг, царь передумал. Может, просто пожалел тебя, а, может, и не просто... Короче. Вот тебе, господин бывший генерал-губернатор Ингрии, Карелии и Эстляндии, письмо от государя, – протянул обычный тёмно-коричневый конверт. – Прочти. Только торопись, охранитель. Время пошло. Тебе уже отплывать скоро. Ничего сейчас не спрашивай, в Указе, который я вскоре оглашу, всё будет сказано. Да и в письме царском, чаю, также...

Когда Пётр бывал трезвым, то буквы в документах, начертанных его рукой, беспорядочно «плясали» в разные стороны. В крепком же подпитии царский почерк становился косым и убористым. А вот будучи смертельно пьяным, государь – неожиданно для всех – превращался в искуснейшего каллиграфа.

«Судя по всему, Пётр Алексеевич начинал писать это послание абсолютно трезвым, а заканчивал, уже пребывая в полноценном и крепком пьяном бреду», – отметил внутренний голос.

«Не ждал я от тебя, Алексашка, такого гадкого обмана!», – писал царь. – «От всех ждал, но, чтобы от тебя... Мерзавец ты законченный! Пожалел для законного государя – жены своей... Тьфу! Что, убыло бы от неё? А скольких утех сладостных я был лишён по твоей подлой милости? Никогда не прощу! Никогда! Злыдень ты первейший... Да, ещё, по поводу золотишка. Ха-ха-ха! Если басурман Аль-кашар не соврал, и ты послан к нам из Будущего, то для тебя это – дела пустяшные...».

«Вот они – Властители! Нельзя им верить! Никогда нельзя!», – от души возмутился памятный внутренний голос. – «Сколько раз тебе, братец, Пётр клялся в братской дружбе? Мол: – «Я твой, Алексашка, вечный должник, век не забуду...». И перед Санькой нашей неоднократно рассыпался в благодарности жаркой и бесконечной. А теперь, вот, получите и распишитесь... Да, коротка ты, память царская! Хорошо ещё, что казнить не надумал. С него случилось бы...».

– Ну, охранитель, всё прочёл? – вкрадчиво и недобро спросил Ромодановский. – Тогда пойдём к остальным, я зачитаю Указ государев...

К причалу, тем временем, уже подошли женщины, облачённые в совершенно невероятные праздничные платья, нестерпимо сверкая драгоценными камнями многочисленных золотых украшений, а дети удивлённо и восторженно разглядывали неподвижно замерзших у кромки воды солдат Московского полка.

– Дядя Николай! – обратился Егор к Ухову-старшему. – Отведи-ка всех ребятшек в дом, пусть там поиграют. Займи их чем-нибудь интересным. Расскажи, например, сказку – про добрых и умных белых медведей...

Дождавшись, когда старик – в сопровождении няnek и денщиков – уведёт детей в центральное здание усадьбы, Егор попросил Ромодановского:

– Дозволь, Фёдор Юрьевич, сперва мне сказать несколько слов народу? Объясниться, так сказать...

– А что ж, и объяснись! – благодушно кивнул головой князь-кесарь. – Дозволю!

Егор снял с головы парадную треуголку, сорвал пышный ярко-оранжевый парик и выбросил его в ближайший кустарник, после чего заговорил – громко и чётко:

– Повиниться я хочу, господа и дамы. Вина лежит на мне великая. Немногим более восьми лет тому назад я обманул государя нашего, Петра Алексеевича. Не захотел я, чтобы царь воспользовался своим правом «первой брачной ночи» – в отношении невесты моей, Алек-

---

⁶ На самом деле (в первоначальном мире) Яков Брюс дожил до глубокой старости и умер естественной смертью.

сандры Ивановны Бровкиной, – внимательно взглянул на испуганную и слегка ошарашенную Саньку. – Вместе с известным вам доктором – французом Карлом Жабо – мы тогда обманным путём внушили государю, что ему смертельно опасно – вступать в плотские отношения с русскими женщинами. Вот, и вся моя вина, господа...

– Разве это вина? Да, только так и надо было! – звонким голосом заявил юный Томас Лаудруп, невесть как умудрившийся избежать опеки старика Ухова, и тут же прикусил язык, получив от матери крепкий подзатыльник.

– Теперь понятно, почему Пётр Алексеевич зимой 1995-го года так неожиданно и безжалостно разогнал свой гарем, состоящий из дворовых девок, – негромко пробормотал себе под нос Алёшка Бровкин.

Ромодановский, сделав два шага вперёд, вытащил из-за широкого обшлага камзола сложенный вдвое лист толстой бумаги и непреклонно объявил:

– Всё, поговорили и хватит! Теперь я вещать буду. Слушайте, голодранцы, Указ царский! Про «Великая Малыя и Белья...» пропущу, пожалуй. Сразу же перехожу к делу. Итак: – «За учинённый подлый обман – лишить Меньшикова Александра, сына Данилова, всех воинских званий и наград, отписать в казну государеву все его деревеньки, дома и вотчины. Обязать означенного подлого вора Александра Меньшикова – вместе со всем семейством его – отбыть навсегда из России. На его личном фрегате «Александре», не позднее двадцати часов после оглашения ему этого Указа. При дальнейшем появлении на берегах российских – казнить всех Меньшиковых и их прямых потомков, не ведая жалости. С собой семейство злодеев Меньшиковых может взять золото, деньги, драгоценности, вещи и людишек – только из загородного поместья василеостровского...».

– Как же так, Фёдор Юрьевич? – Санька громко и требовательно перебила князя-кесаря. – На Москве остался наш сынок младший, Шурочка. Как же быть с ним?

– Зачем, Александра Ивановна, прерываешь меня? – рассерженно нахмурился Ромодановский. – В Указе сказано и про это. Слушайте дальше: – «За нанесенную обиду наложить на подлое семейство Меньшиковых достойный штраф – сто пудов чистого золота. Только после выплаты этого штрафа им будет передан младший сын семейства – Александр, сын Александров...».

– Сыночек мой, Шурочка! – тоненько запричитала Санька. – Где же мы возьмём такую гору злата?

– Успокойся, Саня, немедленно! – Егор впервые за всю их совместную жизнь повысил голос на жену. – Я знаю, где можно достать много золота. Есть на востоке, за русской Камчаткой, земли дальние, тайные, богатые...

– Ты правду говоришь? – небесно-голубые глаза супруги, наполненные хрустальными слезами, были огромны и бездонны, таким глазам соврать было невозможно.

– Клянусь! – твёрдо ответил Егор. – Года за три должны управиться...

«Понятное дело, призовём на помощь великого и незабвенного Джека Лондона!», – незамедлительно отреагировал внутренний голос. – «Чилкутский перевал, Юкон, многочисленные ручьи, впадающие в эту реку... Напряжёмся, вспомним лондонский текст, вычислим нужные ручьи, намоем золотишка. Ерунда, прорвёмся!».

– Уважаемые господа и дамы! – вежливо и церемонно обратилась Санька к гостям. – Хочу извиниться, но трапезничать вам сегодня придётся без нас, столы уже накрыты... Хотя, наверное, и вовсе, не придётся. Ведь, и все наши вотчины отошли в царскую казну, видимо, вместе с накрытыми столами. Про это вы у князя-кесаря, пожалуйста, уточните... В любом случае – извините меня покорно! Вынуждена вас покинуть, ибо необходимо срочно заняться сбором вещей. Надо торопиться. Быстрее выплывем, значит, быстрее золото добудем – для выкупа сыночка...

Глава вторая

И на флаге – чёрная златоглазая кошка...

Ромодановский, криво улыбнувшись, шепнул Егору:

– Ну, что, Александр Данилович, то есть, Егор Петрович, вдоволь побыл «баловнем судьбы»? Сладко, небось? А теперь ты – изгнанник, бродяга бесправный. Вот, заодно и проверим, из какого теста – на самом деле – ты слеплен...

– Извини, Фёдор Юрьевич! – невежливо прервал князя-кесаря Егор. – Но мне пора идти, надо собираться в дорогу. Вон, жена уже ждёт, – кивнул головой на Саньку и обратился к Ухову-старшему, который уже отвёл детей в дом и вернулся к причалу: – Николай Савич, пойдём со мной, поможешь немного!

Втроем они двинулись в сторону виллы (маленького, но очень симпатичного дворца), Егор непроизвольно обернулся – все его гости, обойдя стороной Ромодановского и Девиера, сбились в компактную группу, что-то горячо обсуждая и возбуждённо размахивая руками.

«А ведь они, наверняка, решают, кому плыть вместе с нами!», – предположил любящий немного пофантазировать внутренний голос. – «Что же, в этом непростом походе лишних рук не будет...».

Егор нежно тронул жену за плечо:

– Сашенция, ты ступай в дом. Пусть горничные начинают собирать и паковать носильные вещи в тюки. Главное, не забудь про зимнюю одежду, все свои драгоценности сложи в большую шкатулку, ордена мои присовокупи. Ну, и деньги собери в одно место. Знаешь, ведь, где расположены все мои тайники? Молодец! Потом ступай на кухню и распорядись, чтобы продовольственные припасы начали перемещать на «Александр»... Да, вот, ещё. Присмотри в доме всяких оригинальных штукovin – с русским народным колоритом – ну, которые могут сойти за подарки-сувениры. Мало ли, с какими хорошими людьми мы повстречаемся в этом долгом путешествии.

– Знаешь, мне почему-то кажется, что и «Король» поплывёт с нами! – нестерпимо сверкая – самыми голубыми на этой планете – глазами, заверила супруга. – Я видела, как Людвиг переглядывался с пампушкой Гердой. Кстати, я совершенно точно знаю, что они все деньги, зарабатываемые в России, регулярно переправляют в датские и голландские банки...

– Ну, если так, то пусть продовольствие разделят на две примерно равные части. Да, и о хмельном не стоит забывать, пусть кухонные мужики тащат к причалу всё, что найдут в винном погребе. Ещё присмотри, чтобы скоропортящихся продуктов не грузили без всякой меры...

– А ты, Саша, куда?

– Мы с Савичем пойдём отбирать крепостных мужиков, которые поплывут вместе с нами. – Егор испытующе посмотрел на Ухова-старшего: – Что, Николай Савич, хочешь ещё раз взглянуть на загадочные земли, к которым ты хаживал вместе с Семёном Дежневым и Федотом Поповым?

– Конечно, хочу! – заверил седобородый, но ещё крепкий старикан. – А куда, Данилыч, ты конкретно хочешь пойти? На Чукотку? Или же на земли камчатские?

– Восточнее бери, старинушка, восточнее! – усмехнулся Егор.

– Неужто, в гости к узкоглазым алеутам?

– Да, на неё самую, на Аляску. Только немного южнее Алеутских островов. Туда, где обитают эскимосы и атабаски... Только, вот, прямо сейчас я с вами не поплыву. Встретимся уже потом, в одном и прибалтийских портов, например, в Кёнигсберге...

– Какой ещё Кенигсберг? – Сашенция, побледнев, испуганно прижала руки к груди. – Как это – ты не поплывёшь с нами?

– А, вот, так, моё нежное сердечко! – мягко усмехнулся Егор. – Неужели ты подумала, что я мог бы уплыть из России, оставив сынишку в царском плену? Нет, ты, пожалуйста, ответь – думала такое обо мне?

– Нет, конечно же, – слегка покраснев, смущённо забормотала жена. – Но только, что ты, дорогой, задумал?

– Толком ещё не знаю. Надо посоветоваться с твоим братом Алёшкой и с Медзо-морт-пашой. Вместе мы – обязательно – что-нибудь придумаем... А своих в беде никогда нельзя бросать! Особенно – своих единокровных детей...

В эту пору на Васильевском острове находилось достаточно много крепостных Егоровых крестьян, прибывших из его воронежских деревенок: восемь умелых краснодеревщиков были задействованы на достройке дома, пять человек ухаживали за молодым парком, ещё полтора десятка каменотёсов трудились на невской набережной.

Было, как раз, обеденное время, и все работники усердно постукивали деревянными ложками о борта глиняных мисок, рассевшись по обе стороны длинного стола, над которым был установлен навес под красно-коричневой черепичной (в деревне Конау местные крестьяне-староверы изготавливали отличную черепицу) крышей. Чуть дальше, под другим навесом, за коротким столом обедали пятеро солдат и один сержант Александровского полка.

«Нельзя иначе!», – словно бы оправдываясь, пояснил чуть засмутившийся внутренний голос. – «Без строгого солдатского пригляда молодые и неженатые мужики запросто могут пуститься в бега. Ты, конечно же, братец, у нас барин добрый и весь из себя либеральный, лишний раз и плетью выдрать не велишь, но свобода – штука заманчивая...».

– Сидите, сидите! – он коротко махнул рукой крепостным и солдатам. – А, вот, приём пищи – прошу временно прекратить! Дело у меня очень срочное, нетерпящее отлагательств... Ну, все готовы выслушать? По делам важным и неотложным я – вместе со всем семейством – завтра на рассвете отплываю в края дальние. Обрато вернёмся только года через три, может, и через четыре. Дело очень опасное, можно и головы буйные сложить – в тех дальних и неизведанных землях. Поэтому я не хочу никого принуждать, нужны только добровольцы... Думаю взять с собой, – задумался на минуту, соображая, сколько ещё человек можно дополнительно разместить в жилых помещениях «Александра» и «Короля», – двенадцать человек. По возвращению, в качестве награды обещаю: во-первых, подписать всем вольную, во-вторых, выдать каждому – кто вернётся живым – по пятьсот рублей...

За обоими столами началось оживлённое перешептывание, постепенно перерастающее в бойкий говорок.

– Барин, а вольную-то подпишешь только на мужиков? – робко спросил пожилой краснодеревщик Пантелей, в волосах и в бороде которого было уже в достатке седых нитей. – Как же нам быть с семьями?

– И на жён с детишками выдам вольные! – согласился Егор.

– А, как же, внуки?

– Хорошо, и на внуков – так же!

Врал он, конечно же, про жён, детей и внуков, врал – как сивый мерин, как последний сукин сын. В соответствии с царским Указом все его крестьяне и крестьянки, не находящиеся на Васильевском острове, уже были отписаны государевой казне...

«Ничего, придумаем что-нибудь!», – с откровенно-показным оптимизмом заявил внутренний голос. – «Нашо золотом, составим подробные списки лиц, подлежащих выкупу, тайно зашлём денег в Россию, попросим – всё того же Василия Волкова – помочь... Разберёмся, короче говоря! Но только потом, после завершения экспедиции... А сейчас пусть мужики свято верят во всё обещанное, чтобы им работалось веселее. Кстати, и вольная грамота твоя, братец мой, нынче и понюшки табака не стоит. Так что, и всем мужикам, которые решатся плыть

вместе с тобой на Чукотку, обратная дорога в Россию заказана навсегда – сразу же окажутся в кандалах, с драными кнутом спинами... Но свободу они, всё равно, получают, да и денег можно будет выдать на руки побольше. Потом, уже после завершения дела...».

Через пять-шесть минут выяснилось, что все работники – без единого исключения – готовы отправиться в опасное плавание и побороться за свободу и пятьсот рублей (деньги по тем временам – для простого люда – просто огромные).

– Тогда, родные, бросайте обычный жребий! – велел Егор.

– Господин генерал-губернатор! – обратился к нему молодой и краснощёкий сержант Александровского полка. – А можно и нам, служивым, поучаствовать в этом деле? Больно, уж, тоже хочется – постранствовать, мир посмотреть, пятьсот рублей, опять же...

«Что же, и хорошо обученные солдаты нам пригодятся! Тем более что в царском Указе ясно сказано, мол, можешь с собой взять людишек с Васильевского острова... Там, ведь, не уточнено – каких конкретно людишек...», – посоветовал хитрый внутренний голос и сделал неожиданное предложение: – «Может, стоит по пути зайти в славный город Стокгольм? И попросить у короля Карла (он же к тебе, братец, хорошо относится, даже в гости звал) ещё парочку дельных кораблей? А ещё, ведь, есть и пожилой генерал Ерик Шлиппенбах. Когда ты перед штурмом Нотебурга⁷ выпустил из крепости всех женщин и детей, он что тебе пообещал? Мол, о вашем благородном поступке, Александр Данилович, скоро узнает вся Швеция, мол, теперь вы лично и члены вашей семьи можете рассчитывать на любую разумную помощь со стороны благородного шведского дворянства...».

– Ладно, будь по-вашему! – решил Егор. – Возьму с собой пятнадцать крепостных и всех служивых. Только, ребяташки, в первые недели плаванья вам придётся немного потесниться, не обессудьте. А сейчас, после метания жребия, понятное дело, вам придётся поработать... Николай Савич! – обратился к Ухову. – Сходи в оружейную комнату. Там, возле дальней стены стоят четыре сундука с ручными гранатами, с теми, которые оснащены специальными фитилями, пропитанными хитрым фосфорным составом. Распорядись, чтобы и эти сундуки подняли на борт «Александра». Таких гранат мы нигде больше не достанем...

Ещё через полтора часа, когда на причал начали усердно сносить вещи, продовольственные припасы и старательно подкатывать бочонки с винами и русской медовухой, к Егору подошли Алёшка Бровкин и вице-адмирал Лаудруп.

– Сэр Александэр! – загадочно улыбнулся Людвиг. – Разрешите вас отвлечь на несколько слов?

Они прошли метров семьдесят-восемьдесят вдоль каменной набережной и присели на деревянной скамье, выкрашенной в приятный тёмно-синий цвет: Егор посередине, Алёшка и Лаудруп – по краям.

– Нам с маркизом де Бровки⁸ поручено... – начал датчанин.

– Кем поручено? – широко улыбаясь, прервал его Егор.

– Э-э..., вашими верными друзьями, уважаемый господин генерал-губернатор...

– Можно, я объясню? – предложил Бровкин, видя, что Лаудруп слегка тушует и немного заикается – даже пиратская серьга покачивалась в его ухе как-то очень, уж, неуверенно, да и шрамы, украшавшие мужественное лицо, смотрелись какими-то смущёнными. – Спасибо! Итак, Александр Данилович, мы решили отправиться вместе с тобой и домочадцами твоими в земли дальние, текст царского Указа это позволяет... Ты, ведь, не только наш начальник, а, как уже сказал Людвиг, наш друг. Для каждого из нас ты сделал очень многое, никогда не предавал, ну, и всё такое... И такой ещё есть резон – если ты теперь в царской немилости,

---

⁷ Взятие русскими войсками шведской крепости Нотебург подробно описано в романе «Северная война».

⁸ Благодаря авторскому вымыслу (роман «Страж государев»), Алексею Бровкину в 1698 году – царским Указом – был присвоен титул русского маркиза, а Егору Леонову (Александрю Меньшикову) – звание русского пэра.

то и всех нас, твоих ближайших соратников, ждёт скорая опала. А рука у нашего Петра Алексеевича – ох, тяжела!

– Что, неужели все решили плыть?

– Не совсем, – на секунду-другую замялся Алёшка. – Можно, я по порядку изложу? Так вот, во-первых, это я и моя дочка Лиза. Про нас мы потом с тобой переговорим – наедине. Извини, брат мой датский, но так надо для дела! – печально подмигнул Лаудрупу. – Далее – Людвиг, Гертруда и Томас. Тут всё ясно: Людвиг поведёт «Короля», а Герда моей сестричке, а твоей жене, Данилыч, будет верной подружкой, чтобы наша Александра Ивановна не заскучала в этих восточных краях... В-третьих, Ванька Ухов и Илья Солев, ясен пень. Куда же без них? Тем более что оба холостые и бездетные... А вот, Прохор Погодин остаётся. Не тащить же ему с собой пятерых детишек и жену, беременную шестым чадом? Ну, вот, как-то оно так, командир.

– А что Фролка Иванов и его холоднокровная Матильда? – спросил Егор.

– Вот, здесь-то, как раз, совершенно ничего и не понятно! – снова подключился к разговору Лаудруп. – Как, любите говорить вы, русские: – «Сплошной туман!». Фрол очень хочет поплыть вместе с нами, а красавица Матти – ни в какую! Говорит, что, мол, ей хорошо и в Питербурхе, и никуда она не поедет. Ты же, сэр Александэр, знаешь мою молоденькую родственницу – красива, разумна, с холодной головой на плечах... Снежная Королева, одним словом, как ты её любишь величать. Так что, не знаю, до чего они там договорятся между собой...

Ещё через пять-шесть минут датчанин – по вежливо-извинительному жесту-сигналу Бровкина – поднялся на ноги и покладисто отошёл в сторону.

– Есть у меня, командир, один план, – обратился Алёшка к Егору. – Рискованный план, конечно же, только ничего не поделаешь, надо нам обязательно подстраховаться – российский государь, Пётр Алексеевич, будет не из тех людей, которым можно доверять безоговорочно. Сам ведь знаешь, своё царское слово – царь завсегда может и обратно забрать, без малейшего зазрения совести. Так что, выслушай меня внимательно и не торопись – сразу же говорить – «Нет!»...

Погрузка шла большую часть ночи, благо – белой. Только часам к четырём утра будущие путешественники прикорнули ненадолго, но к восьми все снова были уже на ногах, облачившись в удобную походную одежду. Санька и Герда – для пользы общего дела – даже обрядились в мужские охотничьи костюмы.

– Великовато, правда, немного! – расстроено вздохнула Сашенция. – Да, ничего, ушьём потом, где надо – укоротим...

Лаудруп, щедро облизав указательный палец, поднял его вверх, после чего радостно объявил:

– Есть слабый юго-восточный ветерок, зюйд-ост, по-морскому! Поставим побольше парусов и пойдём... Только, вот, сэр Александер, – вопросительно посмотрел на Егора, – под каким флагом пойдём? Под русским? Так, вроде бы, уже нельзя? Опять же, в Балтийском море можно запросто нарваться на шведскую эскадру...

– Пойдёте под моим личным знаменем! – Егор указал рукой на высокую деревянную мачту, установленную на северном конце причала, на верхушке которой лениво трепетал на слабом утреннем ветерке странный флаг: большая чёрная кошка с золотисто-жёлтыми глазами – на нежно-алом фоне.

Это Егорова жена года два назад заявила, мол: – «Светлейшим князьям полагается иметь личный герб, девиз и флаг!». Потом сама и придумала – данную чёрную кошку с золотистыми глазами. Под Санькиным тщательным надзором искусные крепостные швеи изготовили это необычное знамя. Методом аппликации, нашив поверх нежно-алого полотна («На фоне утренней зари!», – как торжественно объяснила супруга), чёрную кошку – с заранее пришитыми

хищно-жёлтыми (с вертикальными чёрными зрачками) глазами. А, вот, вопрос с девизом до сих пор оставался открытым.

«Надо будет немного напрячься и вспомнить что-нибудь подходящее – из того же Джека Лондона», – подумал Егор, а вслух выразил определённое сомнение – в собственной же идее:

– Только, вот, незадача вырисовывается. Кораблей-то у нас два, а флаг – лишь один...

– За кого ты меня принимаешь? – всерьёз обиделась и, даже, слегка рассердилась трепетная Санька. – Я что же, по-твоему, плохая хозяйка? Бога побойся, Саша! Конечно же, у меня имеется и второй флаг. Как же можно иначе? Когда первый – раз в три месяца – отправляется в стирку, то вместо него вывешивают запасной...

К причалу, грузно переваливаясь с боку на бок, подошёл князь-кесарь Фёдор Юрьевич Ромодановский. За ним, приотстав метров на пять-шесть, предупредительно следовал Антошка Девиер – в сопровождении десятка солдат Московской дивизии. Остальные её бойцы по-прежнему бдительно застыли у корабельных сходней.

– Ага, Александр Данилович! Смотрю, у тебя попутчики образовались? – насмешливо прищурился князь-кесарь, внимательно посматривая на Лаудрупа и Бровкина, беззаботно куривших в отдалении. – Какими ты шкиперами разжился, аж, нешуточные завидки берут! Во-первых, оба адмиралы. А, во-вторых, оба – вылитые прожжённые пираты! У твоего датчанина морда вся в шрамах и усищи – как у столетнего деревенского таракана. А маркиз де Бровки одноглаз, с чёрной повязкой, закрывающей пустую глазницу. Блеск! Только, вот, ответь. На каком основании ты этих, да и всех прочих особ высокородных, тащишь с собой в дальнее плавание? По какому такому праву?

– Указ царский позволяет мне это, – равнодушно и чуть надменно пожал плечами Егор. – Все эти персоны – на момент зачтения высокого Указа – находились на Васильевском острове. Так что, как говорится, извиняйте, господа хорошие, но я нахожусь в законном праве...

«Ох, уж, этот Указ! – недовольно зашептал подозрительный внутренний голос. – «Не похож наш Пётр Алексеевич на легкомысленного и доброго чудака. Ох, не похож! Может, он специально оставил в документе эту хитрую лазейку? Зачем? А чёрт его, хитрюгу длинноногого, знает... Например, решил направить вместе с тобой, братец, верного шпиона – выведать, куда конкретно экспедиция отправишься за золотом. А, что такого? С нашего царя станется! Совсем он и не такой прозрачный простачок, каким обожает притворяться перед доверчивыми иностранными послами...».

– Как же так, Фёдор Юрьевич? – неудовлетворённой гюрзой зашипел за спиной Ромодановского подполковник Девиер. – Пётр Алексеевич очень недоволен будут, разгневаются знатно...

– Пшёл вон, Антошка, пёс шелудивый! – густым басом презрительно рыкнул князь-кесарь. – Отойди, сукин кот, в сторонку! И солдат прихвати с собой! Все отойдите, мать вашу, обормоты суетливые! – дождавшись, когда приказ будет выполнен, проговорил, скорчив неожиданно-добродушную гримасу: – Да, промашка получилась с этим Указом! Опять не доглядели, как, впрочем, и всегда... А, с другой стороны, не мне спорить с царскими словами, не по чину... Ладно, плывите, гуси-лебеди! Бог с вами! Что передать-то Петру Алексеевичу?

– Передай, Фёдор Юрьевич, что годика через три-четыре просимое золото будет обязательно доставлено. Или морем в Питербурх, или сушей – прямо в Москву. Я верю, что государь сдержит царское обещание и отпустит моего мальчика.

– Сдержит, сдержит, я прослежу за тем, – неопределённо пообещал Ромодановский и заинтересованно спросил: – Ты своим-то ещё не рассказывал, что сам будешь – из Будущего? Ну, и не рассказывай! А то ещё решат, что ты окончательно сошёл с ума, и разбегутся в разные стороны, от греха подальше... Ещё, вот, скажу, вернее, предупрежу. Не стоит языком трепать в Европах – насчёт хитрых таблеток от покойного француза Карла Жабо. Понятно? О младшем сыне своём помни всегда, бывший Светлейший князь... Знаешь, Данилыч, – заговорщицки

подмигнул Егору. – Я и сам сплавал бы с тобой, развеялся бы немного. Да, вот, негоже – государя Петра Алексеевича совсем одного оставлять, не по-честному это... Что ж, удачи тебе, Странник! Как там это говорится у моряков? Ага, вспомнил. Семь футов вам под килем!

Оказавшись на борту «Александра», Егор торопливо спустился в кают-компанию, где его уже дожидался сержант Димка Васильев, выряженный в парадный генерал-губернаторский мундир.

– Хорош, хорош, ничего не скажешь! – вскользь улыбнулся Егор, облачаясь в неприметную моряцкую одежду. – Давай-ка, иди уже на палубу, прогуляйся немного! Только старайся – лишний раз – не поворачиваться к берегу лицом...

На воду спустили шлюпку. Егор и пятеро матросов принялись старательно дёргать за носовую якорную цепь фрегата – по придуманной легенде якорь, якобы, зацепился за что-то на невском дне и упрямо не желал отпускать грунт. Для приличия даже залезли в воду и немного поныряли. Егор, пользуясь общей суматохой, незаметно поднырнул под самый берег, скрываясь за ветками кустарника, свисающими с невысокого обрыва, и затаился...

Ещё через пятнадцать-двадцать минут все три корабля дружно вышли в серо-стальные воды Финского залива. «Апостол Пётр» – под Андреевским флагом – чуть отстал, как это полагается бдительному и опытному конвоиру. «Александр» и «Король» шли бок обок, словно близкие и верные друзья, а на их передних мачтах были подняты княжеские флаги семейства Меншиковых: гордые златоглазые чёрные кошки – на фоне нежно-алой утренней зари⁹...

---

⁹ Описываемый флаг – авторский вымысел, то есть речь идёт о фамильном флаге князей Меншиковых – в параллельном мире.

Глава третья

Бесправный бродяга под женской чадрой

Прошло минут тридцать-сорок, и три корабля, плавно обогнув фиолетово-сиреневую стену полутораметрового камыша, вышли из неевского устья на серые балтийские просторы.

На тёмно-синей садовой скамейке, предусмотрительно расположенной совсем недалеко от причала, сидели, невозмутимо покуривая фарфоровые голландские трубки, два кавалера.

Первому из них едва перевалило за сорок, он был одет в русский адмиральский сюртук, украшенный несколькими орденами, а его правую пустую глазницу прикрывала строгая чёрная повязка.

Второй же человек, сидящий на скамье, был личностью куда как более импозантной: светло-розовые туфли с причудливо загнутыми вверх носами, тёмно-бежевые широкие шальвары, зеленоватый кафтан, щедро расшитый золотыми и серебряными нитями, на лобастой голове иноземца красовалась белоснежная чалма с крупным ярко-красным рубином. Ну, и понятное дело, наличествовала аккуратно подстриженная седая борода. Как – уважающему себя мусульманину – можно обходиться без аккуратно-подстриженной седой бороды? Ясен пень, что никак...

– Кого же мне выбрать из них? – спросил (на французском языке) турок и брезгливо посмотрел направо.

Там, на другой скамье, располагались три неопределённые фигуры, облачённые в тёмные – с лёгким тёмно-синим отливом – чадры. Рядом со скамьёй неторопливо прохаживался широкоплечий евнух.

– Наверное, самую нелюбимую, – предположил русоволосый русский адмирал. – Впрочем, вам, уважаемый Медзоморт, виднее...

– Конечно, виднее! – подтвердил турок. – Если не я, то, кто же? А, с другой стороны, вся эта троица – обыкновенные молоденькие мартышки, ничего и не стоящие. Ну, абсолютно ничего, ни единой, даже медной монеты... Впрочем, в данном случае мой выбор будет сделан, исходя только из прагматичных соображений: придётся убить самую высокую из трёх, ибо наш уважаемый Александр Данилович – отнюдь, не низкого роста...

– Вы сказали – убить?

– Непременно! – лениво зевнул турецкий вельможа. – У меня по документам наличествуют три жены, взятые с собой из Стамбула в это дальнейшее путешествие. Соответственно, их и должно быть – три. Лишняя фигура, облачённая в чадру, может вызвать нездоровые подозрения... Не переживайте, мой благородный маркиз, для турецкой женщины умереть – по приказу её обожаемого супруга – высшая честь, не более того... Может, стоит уже позвать нашего доброго друга? Негоже храброму мужу столько времени прятаться в кустах...

Русский адмирал, сложив ладони рупором, громко прокричал, обращаясь, как могло показаться, непосредственно к речным серым водам:

– Эй, Светлейший князь! Вылезай! Хватит играть в прятки! Эй!

Через полторы минуты из густого прибрежного кустарника выбрался коротко-стриженный босоногий мужичок в насквозь промокшей матросской одежде. Так, совершенно ничего особенного – чуть выше среднего роста, тёмно-русый, не очень-то и широкоплечий, но гибкий и ладный. Сразу угадывалось, что в рукопашной схватке с таким бойцом справиться будет не так-то и просто, крови попортит – от души.

Мужичок неторопливо подошёл к причалу, печально оглядел невскую акваторию, свободную от силуэтов каких-либо кораблей, и с чувством сплюнул под ноги.

– Уплыли они, Александр Данилович! – невозмутимо сообщил адмирал. – Можешь не глядываться, не поможет. И дочку мою прихватили с собой. Как я теперь буду – без моей рыженькой бестии? Ладно, сдюжим как-нибудь... Давай-ка, на Москву-матушку будем собираться. Предстоит тебе, Светлейший князь, недолго побыть в женской роли. Будешь усиленно притворяться любимой женой нашего уважаемого Медзоморт-паши... Как тебе такой расклад, не застесняешься? Не, если у тебя имеются другие варианты, то излагай, послушаем...

– Нет у меня других вариантов! – честно признался Егор. – Больно, уж, морда моя в России засвечена – свех всякой меры. Каждая девка гулящая, о собаках уже не говоря, узнает за версту... А тут, понимаешь, чадра. Удобная вещь, ничего не скажешь. Большой респект от меня тому, кто придумал данную штуковину...

– А что, сэр Александрэр, ты такой смурной? – поинтересовался турецкий посланник.

– Да, вот, хочется пришибить кого-нибудь, – хмуро сообщил Егор. – Деятелей всяких развелось по нашему грешному миру, и не сосчитать. И все – так или иначе – достают, допекают, жизни учат неустанно... Судейского придушить бы какого, к примеру. Или важного лидера политического, мать его политическую! Душу, так сказать, отвести...

«А ещё в разных крупных издательствах есть хитроумные редактора!», – невежливо влез с подсказкой наглый внутренний голос. – «Как это – причём здесь редактора? Вот, братец мой, зашвырнёт тебя обратно в Будущее, подкрадётся на мягких лапах благородная старость. Сядешь писать – по просьбе многочисленных внуков и внучек – правдивые и честные мемуары. Напишешь, ясен пень, куда же ты денешься? Напишешь, отнесёшь в издательство. Вот, там-то оно всё и начнётся! Мол, так главные герои себя не ведут, они – настоящие главные герои – все другие будут из себя. И говорят совсем по-другому, и с женщинами ведут себя не так... До самого морковкиного заговенья будешь потом без устали доказывать, что не являешься туповатым двугорбым верблюдом... Впрочем, вполне возможно, что эти мудрые редактора окажутся полностью правыми. Ну, какой из тебя, братец, герой толстых и увлекательных романов? Сам подумай на досуге. Так, совершенно обычный парнишка среднего возраста, пусть, даже, и с ярко-выраженными авантюрными наклонностями...».

«Как бы там ни было, но сына я не брошу в беде!», – неслышно для окружающих, но горячо и твёрдо заверил Егор свой же собственный внутренний голос. – «Пусть, я и не герой – в классическом понимании этого термина – но своего мальчика я обязательно вытащу из царского плена, чего бы это мне не стоило. Тоже мне, моду взяли – маленьких детей определять в заложники! Цари, ведь, тоже не должны свиньям уподобляться, не смотря на все свои царские права и регалии...».

– Ладно, Данилыч, выныривай из сладких философских раздумий! – тепло усмехнулся одноглазый адмирал. – Вон, медзомортова двухмачтовая шхуна уже подходит. Сам Медзоморт-паша куда ушёл? Наверное, чадру освободить – от женского тела... На ноги же тебе, бывший генерал-губернатор, придётся напялить шальвары нежно-персикового цвета и дамские остроносые туфли без задников. Ты, уж, Данилыч, привыкай к женской роли: с куревом заканчивай, учись семенить – маленькими и покорными шажочками...

В приоткрытое окошко кареты неожиданно ворвались совершенно неприятные и полностью неаппетитные запахи.

– Что это ещё такое? – недовольно и откровенно брезгливо закрутил грушеобразным носом Медзоморт-паша. – Складывается устойчивое впечатление, что впереди находится гигантская кухня. Причём, кухня, в которой уже лет двадцать-тридцать никто толком не убирался – сплошной чад от подгоревшего некачественного масла, перебродившими помоями несёт за морскую милю... Бр-р-р! Так и аппетита можно лишиться – на всю оставшуюся жизнь...

– Да, умеют, всё же, мудрые восточные люди за всеми вещами и предметами закреплять точные и цветастые образы! – восхитился Алёшка Бровкин. – Москва – большая и грязная кухня, где никто никогда толком не убирался? Bravo, bravo! Вы, Медзоморт-паша, попали не в бровь, а в глаз!

Турок недоверчиво покосился на адмирала и спросил у Егора, сидящего напротив и тщательно скрытого под чёрной женской чадрой:

– Это, уважаемый сэръ Александэр, действительно так пахнет знаменитая русская столица? Адмирал Алексей не смеётся надо мной?

– Что вы, высокородный Медзоморт, как можно – смеяться над вами?! – глухо, через плотную ткань чадры, заверил Егор. – Действительно, наша старушка-Москва не блещет европейской чистотой. Ничего не поделаешь, так, вот, сложилось исторически. И особенно сильно это ощущается в жаркую летнюю погоду... Да, кстати, совсем скоро мы будем проезжать через Покровские ворота. Вы, на всякий случай, закрыли бы каретные окошки, там властвуют ещё более неприятные ароматы...

– Точно! – Медзоморт-паша торопливо спрятал чуткий нос в ладони, пальцы которых были унижены многочисленными золотыми перстнями, щедро украшенными крупными самоцветами. – Этот – чуть сладковатый – аромат невозможно спутать ни с чем другим на нашей грешной планете. Маркиз, будьте другом, прикройте окошки! Надеюсь, что карета с двумя другими моими жёнами – молоденькими и очень пугливыми – не затеряется в этом кухонно-трупном бардаке...

В обе стороны от Покровских ворот тянулся наполовину обвалившийся, заросший густой и высокой травой ров, и по его городской стороне наблюдалось порядка двух с половиной десятков грубых виселиц, украшенных тощими и беззащитными фигурками мертвецов. Чуть в стороне от виселиц солдаты в форме Московской дивизии, вразнобой напевая что-то бесконечно тоскливое и печальное, сжигали на высоких кострах какие-то грязные и окровавленные тряпки.

– Судя по ветхой и истлевшей одежде, некоторые из этих мертвецов висят здесь месяца по два-три, – резюмировал, не скрывая удивления, турецкий посланник. – И это немного странно. В европейских странах, которые я посетил в этом году, принято считать, что царь Пётр стремится к милосердию и просвещению... Ага, вот и дубовая колода, рядом с которой валяются отрубленные руки. Ну, это и в нашей прекрасной Турции до сих пор практикуется. Весьма даже полезный обычай – попался на гадком воровстве, изволь распрощаться с грешной рукой... Но, зачем же, тела повешенных преступников держать в петлях месяцами? Этого мне не понять! Противно это, бестолково и нечистоплотно... Впрочем, это ваши внутренние, сугубо российские дела. Извините, если обидел чем случайно...

– Ничего страшного! – дипломатично и вежливо заверил заморского гостя Алёшка Бровкин. – Скоро Россия навсегда (навсегда ли?) избавится от этих диких пережитков. Во-первых, ещё лет десять-двенадцать назад вы бы увидели здесь ни жалкие две с половиной дюжины виселиц, а добрые две-три сотни. Так что, прогресс, как говорится, налицо! А ещё Пётр Алексеевич решил, что новые европейские порядки мы заведём уже в славном Питербурхе, когда туда окончательно и бесповоротно перенесём русскую столицу. Мол, там-то мы точно построим истинный Парадиз, чтобы всякие немцы да голландцы обзавидовались... Ну, а Москву первопрестольную пока решили не переименовывать. Древность, как-никак, старина...

«Да, ничего за два с половиной прошедших года не изменилось на Москве-матушке!», – усмехнулся въедливый внутренний голос. – «Конский навоз валяется повсеместно, гигантские кучи мусора и объектов, пересыпанные печной золой, высятся над каждым третьим перекрёстком. Откровенно медленно шагает прогресс по улицам московским, никуда особенно и не торопясь...».

Под проживание турецкого посланника Иван Артёмич отвёл двухэтажный флигелёк своего каменного московского дома, причём, две просторные светёлки были предназначены для жён высокородного Медзоморт-паши. Егору, как любимой и старшей «жене» почтенного басурмана, досталась отдельная комната, являвшаяся – в старые и добрые времена – домашней библиотекой образованного семейства Бровкиных.

«Наша Александра Ивановна и здесь, судя по выбору книг, приложила свою нежную и романтическую руку», – печально вздохнув, педантично отметил внутренний голос.

Егор сразу же запер дверь на надёжную щеколду, торопливо (жарко же очень!) сбросил чадру на пол и – от нечего делать – погрузился в чтение. Как раз, отыскалась и подходящая литература, посвящённая плаваниям смелых голландских и испанских моряков по неведомым и загадочным южным морям.

«Надо же, оказывается, что Магелланов пролив – место тайное!», – минут через сорок-пятьдесят удивился внутренний голос. – «Его подробную карту португальские мореходы до сих пор берегут, как зеницу ока. А поддельными планами и картами – буквально-таки – наводнена вся Европа. Да, надо теперь как-то решать и эту непростую проблему... Огибать же с юга знаменитый мыс Горн – судя по этим заумным книжкам – мероприятие очень опасное и рискованное...».

Ему же самому сейчас оставалось только одно – терпеливо и покорно ждать, когда будет получена нужная информация. А именно, необходимо было срочно узнать, где конкретно содержится Шурик. То бишь, Александр Александрович Меньшиков.

Иван Артёмич срочно послал нарочного в Преображенский дворец – с известием, что на Москву пожаловали полномочный турецкий посланник Медзоморт-паша (личный друг Небеснородного султана!) и вице-адмирал Алексей Бровкин. Теперь надо было дожидаться царской реакции.

Неожиданно за окнами послышался неясный шум, испуганные охи и ахи, громкое конское ржанье. Егор осторожно выглянул из-за длинной цветастой занавески и непроизвольно присвистнул от удивления – через широко-распахнутые ворота во двор к Бровкиным въехала хорошо ему знакомая царская карета, запряжённая четвёркой чёрных злых коней.

«Смотри-ка ты, Пётр Алексеевич изволили пожаловать лично!», – восхищённо зацокал внутренний голос. – Что же его так сильно заинтересовало? Вернее, кто? Медзоморт-паша, прибывший обсуждать дальнейшее развитие торговых отношений между Турцией и Россией? Или же вице-адмирал Алексей Иванович Бровкин, привёзший свежие новости с Васильевского острова? Приоткрой-ка, братец, окошко, вдруг, да услышишь чего полезного и интересного...».

Из просторной кареты выбрались Пётр, царевич Алексей и неизвестный Егору молодой мужчина очень представительного, явно зарубежного вида.

«Очевидно, государь начинает всё шире привлекать сына к разным важным государственным делам и заботам!», – одобрительно заявил внутренний голос. – «Царевичу скоро исполнится четырнадцать лет, а выглядит он на все шестнадцать-семнадцать. Такая, вот, особенность просматривается у семейства Романовых! А этот иноземный кавалер в тёмных одеждах, скорее всего, новый советник государя. Заменяет он, по-видимому, Меньшикова Александра Даниловича, попавшего в царскую немилость. Тебя, то бишь, мон шер... Что же, оно и понятно. Князь-кесарь Ромодановский стар и ворчлив, Антошка Девиер недостаточно образован и начитан, а царевич Алексей избыточно разумен и приземлён. Вот, и выписали из Европы очередного умника, чтобы Петру Алексеевичу скучать не давал...».

В глубине старого сада, прямо напротив окошка, за занавесками которого прятался Егор, наблюдалась скромная, но достаточно просторная летняя беседка, где и расположились высокие переговаривающиеся стороны – царь, Медзоморт-паша, царевич Алексей, Иван Артёмич,

Алёшка Бровкин и неизвестный кавалер в тёмном одеянии. Причём, в руках Ивана Артёмича и Медзоморт-паши тут же появились толстые пачки разных бумаг и пергаментных листов, очевидно, намечались денежные сверки по хлебным поставкам в Европу – через турецкие черноморские проливы¹⁰.

Егор нашёл на стеллаже с книгами неплохую подзорную трубу, и, удобно устроившись в мягком немецком кресле за занавеской, занялся наблюдениями, благо до беседки было немногим более восьмидесяти метров.

«А государь-то постарел. Вон, новые морщинки прорезались возле крыльев носа, в жиденьких усах просматривается седина...», – печально вздохнул сентиментальный внутренний голос. – «Да, искренне жаль, что разошлись наши дорожки. Сойдутся ли когда? Скорее всего, уже нет. Сильные мира сего не любят менять концептуальных решений. Странно, что нет какой-либо особой неприязни к этому человеку, карающему и милующему сугубо по своим субъективным ощущениям, способному, даже четырёхлетнего ребёнка сделать обычным заложником... Есть в Петре Алексеевиче, определённо, что-то хорошее и доброе. Если, конечно же, у земных Властителей, вообще, может быть в душе – хоть что-нибудь доброе... Может, перед высшими государственными интересами все другие чувства – в их несчастных душах – трусливо разбегаются по сторонам...».

Вскоре выяснилось, что Петра бумажноденежные дела совершенно не интересовали, он лениво покуривал старую вересковую трубочку и изредка перебрасывался с Алёшкой Бровкинским короткими фразами. А, вот, царевич Алексей, наоборот, принимал в финансовых свертках и спорах самое живое и заинтересованное участие, Бровкин-старший и Медзоморт-паша посматривали на юного собеседника с явным удивлением и одобрением.

Царь, ловко подхватив маркиза де Бровки под руку, повёл его прочь от беседки, небрежно махнув остальным участникам переговоров рукой, мол, не обращайтесь на меня никакого внимания, занимайтесь важными и неотложными делами...

Медленно сделав по парку большой полукруг, Пётр и Алёшка остановились в пяти-шести метрах от приоткрытого Егорова окна, так, что он прекрасно мог слышать каждое произнесённое ими слово.

– Значит, ты, морда одноглазая, утверждаешь, что Алексашка коварно заманил твою дочку Лизу на борт фрегата и подло увёз её в дальние и неизвестные страны? – чуть насмешливо спросил царь.

– Ну, да, увёз! – не очень-то и уверенно промямлил маркиз. – Подлый негодяй и изменщик! Змей подколодный...

– Врёшь, ведь, всё, зараза худородная! – неожиданно возмутился, впрочем, без особой злости Пётр. – Все вокруг окончательно заврались, держат меня за последнего идиота, не дружащего с разумом! А ещё и гадкие таблетки подсовывают иногда... Одна только Матти датская – правдивая и честная барышня! Только – при этом – натуральная Снежная Королева, вовсе без сердца...

– Пётр Алексеевич, я и не вру...

– Ну, так нагло придумываешь, что дела совершенно не меняет. Не мог мой Алексашка – похитить маленькую и беззащитную девочку! Это я могу сделать, Ромодановский Фёдор Юрьевич, Антошка Девиер – прохиндей и записной карьерист... А Данилыч не мог, душа у него совсем другая, мягкая и нездешняя... Не, ворогов-то подлых он убивает пачками, безо всякого зазрения совести. Но, чтобы похитить маленькую девочку? Не верю! Если хочешь знать, маркиз недоделанный, мне даже стыдно такие напраслины выслушивать – от тебя – про Светлейшего князя! Пусть, уже и бывшего... Я, вообще, не верю, что он отплыл на том корабле в

---

¹⁰ Хлебные поставки в Европу – через турецкие черноморские проливы – авторский вымысел, итоги переговоров Егора в Стамбуле в 1698 году. (Роман «Страж государев»).

дальние страны. Не мог Алексашка малолетнего сына – оставить в моих жестоких лапах! Не мог! Наверняка, шарахается сейчас где-то под Москвой и готовится к освобождению Шурки...

Алёшка, чуть помявшись, бухнул:

– Так, Пётр Алексеевич, может, ты простишь Александра Даниловича? Простишь и вернёшь – вместе со всем его семейством и другими нашими достойными ребятами? А? Что тебе стоит? Твоё слово-то царское, никто и пикнуть не посмеет... И опять всё будет как раньше, разным подлым гадам на зависть...

– Не могу, маркиз! – нахмурился царь. – Может быть, и хочу – в самой глубине души – но, не могу! Слуга, подло обманувший государя, заслуживает только лютой смерти! Или же, на худой конец, окончательного и бесповоротного изгнания из страны... Так заведено и точка! Не хочу я отступать от незыблемых принципов, расхолаживая – тем самым – других холопов... А, по Алексашке..., да, скучаю сильно! Даже война уже не так веселит, как раньше, наскучила слегка. Вот, Нарвскую крепость надо брать вскорости, а без Данилыча – и кураж совсем не тот. Наверняка, будет обычная классическая осада, безо всяких хитрых изысков и смелых придумок... Ты, маркиз, даже не уговаривай меня! Нет Алексашке моего прощения! Нет ему дороги обратно в Россию... Да, кстати, на послезавтра ты и Медзоморт-паша приглашаетесь в Преображенский дворец, где состояться маленькие семейные посиделки. Буйносовы будут, Шереметьевы, кто-то из Голицыных... Пусть наш высокородный турок прихватит и жён своих, Катеньке моей интересно будет посмотреть на них... Парадные палаты Кремля? Полностью отпадают! Там – по летнему времени – такая духота, хоть вешайся сразу. Сегодня мы с царевичем Алексеем заезжали в Пушкарский приказ по делам воинским, так я там больше пятнадцати минут не смог выдержать – воняет, как в хорошем зверинце, пришлось на улицу выйти, так и не подписав всех бумаг... Тут от Покровских ворот и подбежал специальный гонец-соглядатай, мол, в город въехала карета с вице-адмиралом Бровкиным и каким-то басурманом. Ну, мы к дому Ивана Артемича сразу же и направились... Не, Алёша, надо быстрее переносить столицу в Питербурх! Там морской воздух, свежесть, новью пахнет... Говоришь, что Медзоморт-паша сравнил нашу Москву-столицу с гигантской неубранной кухней, насквозь пропахшей прогорклым масляным чадом? Молодец турок, наш человек! Зрит – в самый корень... Ещё, вот, одно... Не надо больше мне рассказывать всякие глупости и гадости о Данилыче! Не надо! По-дружески тебя прошу, адмирал! У меня на «Александре» имеется доверенный человек, на днях получу весточку от него. Вот, тогда-то я и узнаю, чего ожидать – в дальнейшем...

Через два-три часа царь – с сопровождающими – отбыл восвояси. Укатали куда-то по важным и неотложным делам – на скромной двуколке Ивана Артемича – и Медзоморт-паша с маркизом Алёшкой. Егор снова с головой погрузился в чтение, предварительно плотно задернув занавески.

В его комнату – ещё при заселении – расторопные местные холопы внесли и расставили на длинном столе кувшины с квасом и фруктовыми морсами, фарфоровые блюда и миски с пшеничными калачами, фигурными пряниками, маковыми баранками, ягодами и крохотными пирожками с самыми разными начинками. Под просторную же кровать был предусмотрительно помещён широкий медный казан – для оправления естественных нужд. Так что, определённая автономность была обеспечена надолго, и Егора никто не беспокоил.

Когда в комнате стало постепенно темнеть, он запалил несколько новеньких восковых свеч, предусмотрительно вставленных в гнёзда серебряных подсвечников.

«Впервые за долгие годы ты, братец, целых полдня потратил на пошлое чтение!», – с лёгкой насмешкой прокомментировал довольный внутренний голос. – «Неслыханное дело! Неслыханное... Почаще бы так, глядишь, и реальной пользы прибавилось бы. На одном маханье шпагой далеко, однако, не уедешь...».

Снаружи послышался шорох чых-то осторожных шагов. Тишина, шорох, снова – тишина...

«Так мирные и добронравные имяреки не передвигаются!», – обеспокоено зашептал внутренний голос. – «Так, по моему мнению, подкрадываются коварные и злонамеренные шпионы...».

Егор тут же задул все свечи и, упав на пол, осторожно и бесшумно переместился по направлению к окну, после чего замер чуть в стороне от узкого подоконника, прислонившись затылком к стене, поклеенной немецкими бумажными обоями с изображёнными на них среднестатистическими баварскими пейзажами. В одной руке он сжимал надёжный шведский пистолет, выхваченный из-за широкого кожаного пояса, в другой – рукоять стилета, до поры до времени спрятанного в узком рукаве рубахи, в специальном чехольчике.

За приоткрытым окошком («Закрывать надо окна, деятель хренов, мать твою!», – от души высказался гневный внутренний голос), было явственно слышно чьё-то учащённое дыхание.

– Николаша, загляни-ка внутрь, не бойсь, – посоветовал приглушённый начальственный шёпот. – Только осторожно. Давай, я тебя подсажу...

Раздался тоненький скрип приоткрываемой оконной створки, потом послышался осторожный шорох, чьи-то толстые пальцы, плохо различимые в вечернем сумраке, цепко ухватились за край подоконника.

Не дожидаясь, когда вслед за пальцами в комнате появится голова незваного гостя, Егор взял пистолет за ствол и, коротко размахнувшись, резко ударил.

– А-а-а-а! – пронзительно – что называется, на всю округу – взвыл неизвестный. – Матушка-заступница, за что?

«Бесспорно, получить тяжелой пистолетной рукояткой по пальцу – это очень, даже, больно!», – с пониманием вздохнул жалостливый внутренний голос. – «Теперь, наверняка, у этого бедняги ноготь почернеет, долго и нудно будет сходить... Да, очень неприятный и болезненный процесс! Как же, уже проходили – в своё время...».

После громкого вопля шпиона-неудачника в саду установилась абсолютная тишина, преобразовавшаяся, впрочем, уже через самое короткое время в нездоровую суету и шумную суматоху.

Совсем рядом послышались звуки увесистых оплеух, кто-то громко и жалостливо застонал, по всему саду заполошно замелькали яркие огоньки факелов, где-то яростно зазвенели встретившиеся клинки шпаг, глухо и тревожно прогремел одинокий пистолетный выстрел.

– Осторожней, олухи, не увлекайтесь! – начальственно рыкнул из темноты голос Алёшки Бровкина. – Чтобы ни одного трупа у меня! Покалечили немного, пустили кровушки и – хватит! Посты незамедлительно удвоить, факела жечь до самого утра! Одного врага поймали? Мне он совершенно не нужен. Выбить зубы и отпустить на все четыре стороны! Я – сказал...

Уже поздней ночью, когда все другие обитатели фамильного гнезда Бровкиных окончательно успокоились и разошлись по спальням, Алёшка, предварительно тихонько побарабанив костяшками пальцев в дверную филёнку, неслышно просочился в комнату к Егору и плотно прикрыл за собой дверь.

– Да, командир, нынче не всё так просто на Москве-матушке! – невесело ухмыльнулся адмирал. – Крепко взялись за нас. Бдят, наблюдают, следят. Слетелись, словно голодные мухи на свежие арбузные корки...

– Кто слетелся-то? – недовольно передёрнув плечами, уточнил Егор. – Ты конкретно докладывай, родственник! Чётко и ясно.

– Конкретно? Очень трудно ответить однозначно. Это при тебе, Данилыч, царская охранная Служба была единственной и буквально всё контролировала. Даже сам князь-кесарь Ромодановский, начальник Тайной канцелярии, зачастую пасовал перед нами и скромно отходил

в сторону... А потом, два с половиной года назад, Александр Данилович, ты отбыл строить Питербурх, став тамошним генерал-губернатором. Вася Волков же, назначенный на твоё место, слабину проявил, вот, оно и началось... Теперь самая сильная тайная служба – у князя-кесаря Фёдора Юрьевича. Но и маленьких секретных и самостоятельных служб развелось – как собак нерезаных. У Петра Алексеевича – персональная, у царевича Алексея имеется группа особо доверенных людей, Антон Девиер от них не отстаёт, генералы наши тоже организовали нечто похожее. Ну, и в семействе Бровкиных холопы нынче совсем и непростые, а кое-чему – очень даже – неплохо обученные... Так что, полный бардак творится вокруг! Не, официально-то считается, что охранная царская служба всего одна. Та, что ты, сэр Александрэр, организовал много лет назад, и которой в настоящее время руководит Василий Волков... Да, только, от этого нелегче...

– А в саду кто был сегодняшней ночью?

– Почитай, все они и были. Три группы по два человека. Одни – точно – от князя-кесаря, вторые – Антошкины, третьи – не понятно чьи... Поэтому я и велел своим людям быть очень внимательными, чтобы никого случайно не убить. Зачем – без веских причин – ссориться с всесильными людьми? Но всё это теперь совершенно неважно! Не в этом, как говорится, суть...

– А в чём?

Алёшка озабоченно потёр ладонью бледный лоб и объявил:

– Очень туго у нас со временем, Александр Данилович! Почувствовал что-то Пётр Алексеич, заподозрил неладное! С чем, с чем, а с чувством опасности у него всегда всё было в полном порядке... А ещё этот его тайный доверенный человек, который сейчас находится на борту «Александра». Через день-другой царь запросто может узнать, что тебя, Данилыч, нет на фрегате... Поэтому действовать надо незамедлительно и решительно, то есть, на этих самых посиделках, что состояться послезавтра в Преображенском. Потом можем уже и не успеть...

– Подожди, подожди! Причём здесь – Преображенский дворец?

– Так, там же и содержится наш Шурик – в западном крыле, где раньше проживал покойный Яков Брюс. Я что, ещё не сказал про это? Ну, извини, не успел, забегался слегка... Так вот, план похищения мальчика уже свёрстан, правда, пока только на живую нитку. Гаврюшка постарался...

– Гаврюшка?

– Ну, да! Наш с Санькой младший братишка. Помнишь, несколько лет назад Пётр Алексеич его назначил охранителем царевича Алексея? В твоей же воронежской Александровке, когда наследник престола чуть не потонул в реке? А сейчас Гаврюшка занимает в охранной царской Службе отнюдь не последнюю должность... Вася Волков, глава Службы охранной, сейчас находится на Митаве. Там дела происходят очень важные и серьёзные, раньше первых зимних морозов и не закончатся. Так вот, обычно на случай долгих отъездов из Москвы Василий – в последнее время – назначал на своё место Антона Девиера. Да, говорят, что между царём и Антошкой кошка пробежала ненароком. Только не чёрная а, наоборот, светленькая такая, датская. Матильдой её кличут. Вот, Пётр Алексеич нынче и отправил Девиера с князем-кесарем Ромодановским в Питербурх... Так что, охранной царской Службой ныне – по факту – Гаврюшка и руководит. Негласно, понятное дело. По всеобщему умолчанию, так сказать. Он сегодня даже присутствовал и на государственных секретных переговорах с Медзо-морт-пашой.

– Тот элегантный кавалер в тёмных одеждах – Гаврюшка? – искренне удивился Егор. – Как же время летит быстро! Чёрт те что...

– Летит, летит! – согласился одноглазый адмирал. – Так вот, предлагается следующий нехитрый план. В оговорённый час в доме, где располагается казарма охранной Службы, вспыхнет сильный пожар. Серьёзный такой пожар, из тех, на тушение которых уходит ни один час... Казармы охранной Службы, как ты помнишь, располагаются всего в двухстах метрах

севернее Преображенского дворца. Гаврюшка тут же бросит на тушение пламени основные силы сотрудников. Всех, конечно же, снять из западного крыла дворца у него не получится, останется примерно три поста – по одному человеку в каждом. Ты, облачённый в турецкую чадру, в общей суматохе переместишься в западное крыло. Не заплутаешь?

– С чего бы это, вдруг? Я те места знаю, как свои пять пальцев, каждый коридор помню наизусть – ещё с тех времён, когда Яшку Брюса доводилось посещать... Говоришь, только трое часовых? Причём, все трое – из нашей Службы? И я их все, возможно, знаю лично? Чёрт, это же усложняет дело! Их же придётся..., придётся...

– Да, их всех придётся убить, – очень тихо, выговаривая слова практически по слогам, подтвердил Алёшка. – Просто оглушить – здесь не получится. Женщина в турецкой чадре слишком приметная фигура. Сразу же станет ясно, откуда растут ноги. Кроме того, убивать их надо будет, не оставляя явных следов насилия...

Глава четвёртая

Ох, непрост он, Пётр Алексеевич!

Егор, раскурив фарфоровую трубку, попытался сосредоточиться, после чего велел:

– Ладно, про этот неприятный момент я понял, хотя, и не до конца... Впрочем, великий стратег и тактик, излагай дальше!

– Дальше всё очень просто, – демонстративно невозмутимо зевнул адмирал. – У последнего трупа ты заберёшь из кармана ключи и отопрёшь дверь в помещение, где содержится наш бедный Шурик. Ну, поцелуешь сынишку, успокоишь, как сможешь... Потом схватишь мальчугана в охапку и со всех ног побежишь к молодой берёзовой роще, до которой будет метров двести пятьдесят. Там тебя будет ждать мой верный, надёжный и многократно проверенный человек. Ему отдашь Шурку, взамен возьмешь холщовый мешок с телом...

– С к-каким ещё телом?

– Со свежим трупом трёх – четырёхлетнего мальчишки с ближайшего церковного погоста, – доходчиво пояснил Алёшка. – Надо же всё обставить по-человечески, с толком, чувством и расстановкой? Сам же учил меня – в своё время... Итак, Александра Александровича сдашь на руки моему человечку, возьмёшь мешок с мёртвым мальцом, вернёшься в палату. Тело аккуратно вытащишь из мешка, туда же перенесёшь трупы охранников, разложишь их в художественном беспорядке. Потом запалишь западное крыло дворца в двух-трёх местах, надёжный горючий состав я тебе дам... Ты же сам осторожно – тихим сапом – возвратишься на прежнее место и прибудешь к двум другим жёнам Медзоморт-паши. Я их, пользуясь всеобщей паникой, отведу в царскую цветочную оранжерею... Пожар в западном крыле, естественно, потушат – рано или поздно. Потушат и найдут на пепелище обгоревшие тела мальчишки и трёх охранников, которые, якобы, до конца героически сражались с огненной стихией. Именно поэтому их и надо убить, не оставляя явных следов насилия... Как тебе, Александр Данилович, такой простейший и топорный план?

– План как план, – неопределённо пожал плечами Егор. – Запросто может сработать, ведь, Пётр Алексеевич никогда у нас не отличался избыточной личной храбростью. Да и впасть в панику – для него – дело привычное... Тем более, что другого плана у нас нет... Только, вот, объясни мне, как мы доставим Шурика до Кёнигсберга?

– Да, непростой вопрос! – скорчил озабоченную гримасу адмирал. – Со дня на день на Москве может объявиться князь-кесарь. Фёдор Юрьевич Ромодановский – совсем не тот человек, которого стоит недооценивать. Он-то, наверняка, заподозрит хитроумный обман и надёжно перекроет все дороги, ведущие в Европу... Ладно, потом подумаем над этой проблемой, когда Санёк уже будет в полной безопасности. Обмозгуем всё тщательно и подробно... Есть и ещё один дельный вариант. Мне удалось сегодня коротко переговорить с одной, э-э-э, прекрасной и весьма могущественной особой... Нам обещана действенная помощь. Правда, всё это весьма и весьма призрачно... Извини, Александр Данилович, но подробней рассказывать не буду, боюсь сглазить. Ты же и сам ко всяким приметам относишься очень трепетно и серьёзно, так что, должен отнестись с пониманием... Ну, хорошо, хорошо, ты только не кипятиться! Не буду наводить тень на плетень, не буду, честное слово! Екатерина, жена государя нашего Петра Алексеевича, помня о заслугах былых, обещалась подумать, как выручить нас, сырых и убогих...

В Преображенском мало что изменилось за прошедшие два с половиной года, только, вот, стены дворца сверкали на вечернем солнце свежей тёмно-жёлтой краской, да и длинные

пруды, в которых Пётр и царевич Алексей некогда увлечённо пускали по ветру модели парусных кораблей, заросли невысокими тёмно-зелёными камышами и серо-бурой ряской.

«Оно и понятно, времена-то меняются!», – тихонько прошелестел взгустнувший внутренний голос. – «Сейчас модели судов уже и ни к чему, настоящих морских кораблей имеется с избытком немалым ...».

Впрочем, толково рассмотреть окружающее было не просто – конструкция турецкой чадры этому совершенно не способствовала: на уровне глаз внутреннее (второе, дополнительное) полотно имело узкую прорезь для глаз, на которую была нашита сетчатая полоска ткани. Тем более что время было уже вечернее, до заката солнца оставалось часа полтора, не более. Да и головой вертеть во все стороны приличной турецкой женщине не полагалось...

Между тёмно-жёлтым дворцом и длинными прудами – на зелёной, недавно выкошенной лужайке – располагались три деревянные, украшенные искусной резьбой беседки: одна очень длинная и широкая, в ней – за обеденными столами – запросто могло разместиться до тридцати-сорока знатных персон, и две маленькие – уже для серьёзных и частных бесед.

Встречать полномочного турецкого посланника вышел сам Пётр (во время неофициальных мероприятий он всегда любил продемонстрировать иноземцам свою прогрессивную демократичность и полную чуждость к показной гордыне), под ручку с женой Екатериной. За их спинами маячили приветливо-официальные физиономии царевича Алексея, Гаврюшки Бровкина, Борис Шереметьева и Автонома Головина.

Из первой кареты на старательно выкошенную преображенскую травку вылезли адмирал Бровкин и Медзоморт-паша, облачённые – по случаю царского, пусть и неофициального приёма – в соответствующие парадные одежды.

– Сидеть, молчать, ждать! – недобро покосившись в сторону Егора, зло прошипел (во второй карете) на ломанном английском языке пожилой евнух.

О чём разговаривали царственные хозяева и их высокопоставленный турецкий гость, было толком не разобрать, поэтому оставалось только одно – внимательно всматриваться в до боли знакомые лица.

Пётр выглядел каким-то чрезмерно-задумчивым и слегка заторможенным. Сказав положенные по такому случаю дежурные приветственные фразы, он как-то сразу замкнулся в себе, рассеянно и устало посматривая по сторонам. Складывалось впечатление, что российский царь усиленно размышлял о чём-то своём, или же чего-то напряжённо ждал, например, свежих новостей...

Лицо Екатерины, напротив, было счастливо-беззаботным. Она всем своим обликом выражала полное довольство жизнью – во всех её проявлениях – и разговаривала с турецким посланником очень живо и вежливо, лучезарно улыбаясь и с любопытством посматривая в сторону второй кареты.

А, вот, царевич Алексей был собран и серьёзен, легко угадывалось, что ему не терпится продолжить с Медзоморт-пашой недавние серьёзные разговоры о делах наиважнейших – финансовых и торговых.

«Настоящий государственный деятель вырос из сопливого мальчишки!», – торжественно объявил впечатлительный внутренний голос, нечуждый элементарного тщеславия. – «Не пропали даром, братец, наши с тобой совместные усилия! Не пропали, ей-ей...».

Наконец, все высокородные особы проследовали в большую беседку, где наблюдались и другие знатные дамы и господа, приглашённые на это мероприятие: в предзакатных лучах солнца ярко сверкали золотом генеральские и офицерские погоны, чарующе белели оголённые женские плечи. Вскоре оттуда раздались звуки вежливых аплодисментов, тоненько и загадочно зазвенели хрустальные бокалы, встречаясь в приветственных тостах.

«А в бокал высокогородного Медзоморта, скорее всего, наливают обыкновенный фруктовый морс!» – насмешливо заявил зловредный внутренний голос. – «Что поделатъ, вера у него, бедняги, такая...».

Дверца кареты, где находился Егор, резко распахнулась, и седоусый царский дворецкий – важный до невозможности, наряженный в раззолоченную ливрею и очень похожий на новогоднюю праздничную ёлку – объявил на прекрасном английском языке, улыбаясь холодно и дежурно:

– А вам, дамы и..., э-э-э, господин, предложено пройти в малую беседку! В ту, что расположена ближе к дворцу... Прошу вас, любезные мои, прошу!

За спиной ёлки-дворецкого маячили двое – неприметные такие из себя, но достаточно широкоплечие, старательно прячущие лица за полями широких тёмных шляп.

В беседке, куда их сопроводили, на столе были расставлены блюда с разнообразными сладостями и крупной, ярко-красной клубникой, а также несколько фарфоровых и серебряных кувшинов с прохладительными напитками. Впрочем, никто из особ, облачённых в чадры, к угощениям так и не притронулся. У Егора на то была очень веская причина – он не хотел демонстрировать окружающим свои – явно – мужские руки. Вдруг, кто любопытствующий и не в меру подозрительный – наблюдает за их беседкой через окуляр мощной подзорной трубы? У двух других жён турецкого посланника, очевидно, были свои, не менее уважительные причины. Один только пожилой евнух, регулярно бросая на подопечных злые и недовольные взгляды, воздал предложенным яствам и напиткам должное, громко чавкая и причмокивая.

Неожиданно, со стороны главных дворцовых ворот послышался громкий цокот конских копыт, противно заскрипели о мелкие камушки каретные колёса. Егор, предчувствуя недоброе, торопливо оглянулся на эти звуки.

Тёмно-коричневый, скромный кожаный возок («Определённо – очень знакомая повозка!», – успел высказаться внутренний голос), проехав вдоль прудов до арочного мостика между ними, остановился. Широкая дверца возка тут же распахнулась, и на зелёную травку ловко спрыгнул высокий и тощий кавалер в немецкой одежде, с короткой дорожной шпагой на боку.

«Антошка Девиер, прыщ голландский – с португальскими корнями! Откуда он здесь взялся, вражина подлая и коварная?», – чуть испуганно охнул неприятно удивлённый внутренний голос. – «А сей приметный возок принадлежит князю-кесарю. Ставлю сто золотых голландских гульденов – против одного русского серебряного рубля, что сейчас Фёдора Юрьевича мы и увидим... Впрочем, пока пари не заключено, беру – в срочном порядке – свои слова обратно!».

Антон Девиер, одной рукой торопливо сорвав с пышного светло-пшеничного парика стандартную офицерскую треуголку, вторую руку торопливо протянул по направлению к распахнутой дверце и галантно помог выбраться из повозки великолепной, разодетой в пух и прах Матильде Лаудруп – Снежной Королеве.

«Вот, похоже, и прибыли свежие новости, которых так нервно и вожделенно дожидался Пётр Алексеевич!», – уверенно предположил догадливый внутренний голос. – «Очевидно, адмирал Лаудруп сделал остановку в каком-то балтийском порту. Царский соглядатай тут же передал весточку на берег, где её уже дожидался Девиер, который тут же и поспешил в стольный град Москву... Матти? Судя по её великолепному наряду и божественной причёске, она отнюдь не сегодня прибыла в город...».

Матильда и Антон – под весёлые и дружеские приветствия – заняли свои места за обеденным столом.

А ещё через пять-шесть минут из беседки выбежал, неуклюже подпрыгивая, важный и упитанный царский дворецкий, облачённый в шикарную золоченую ливрею, и торопливо скрылся за приоткрытой двустворчатой дверью, ведущей во внутренние покои Преображен-

ского дворца. Вскоре оттуда выскочили пятеро сотрудников царской охранной Службы и бодрой рысцой припустили в сторону дворцового парка, откуда доносились гортанные, сильно режущие слух вопли павлинов. Не прошло и двух минут, как следом за охранными сотрудниками проследовали, чуть побрякивая на ходу длинными бельгийскими ружьями, трое солдат Московской дивизии.

«Творится что-то странное и – явно – недоброе!», – засомневался осторожный внутренний голос. – «Появился этот голландский Девиер, и всё пошло наперекосяк, чёрт его побери! Как бы вся операция не сорвалась, ещё даже и не начавшись. Хорошо ещё, что западное крыло дворца находится в другой стороне...».

Время шло, но абсолютно ничего не происходило, никаких гостей в маленькой «турецкой» беседке не наблюдалось. Постепенно наступил тёмно-сиреневый вечер, стемнело, в большой беседке, откуда, практически не смолкая, долетали мужские чуть хмельные голоса и серебристый женский смех, расторопные слуги, пользуясь полным безветрием, зажгли многие десятки ярких свеч.

«А про вас, братец, похоже, нечаянно забыли!», – коротко хохотнул нервный внутренний голос. – «Может, оно и к лучшему. До начала пожара в казармах охранной Службы остаётся всего-то ничего – час с невеликим хвостиком...».

Только один раз из вечернего сумрака кто-то невидимый отдал короткую команду:

– Ефимов и Тыртов, кончайте здесь отсвечивать, бездельники! Следуйте к восточному крылу дворца, так видели кого-то подозрительного. Ну, быстро у меня, морды!

Послушался неясный шум, издаваемый двумя парами торопливо бегущих ног, и снова всё вокруг стихло.

«Понятное дело, это Гаврюшка Бровкин заблаговременно отгоняет охранных сотрудников от царских беседок», – одобрительно пояснил чуткий внутренний голос.

Где-то рядом весело замелькали три жёлто-оранжевых огонька-светлячка, по деревянным ступеням беседки чуть слышно прошелестели лёгкие женские шаги.

– Доброго вам здоровья, милые принцесс! – глубоким и мелодичным голосом по-русски поприветствовала присутствующих нарядная Екатерина – в девичестве Марта Скавронская – крепко сжимающая в ладони правой руки позолоченный подсвечник с тремя ярко-горевшими восковыми свечами, прикрытыми сверху специальными стеклянными колпачками.

Видя, что турчанки вскочили с мест и, сложив под чадрами руки на груди, начали безостановочно, очень мелко – словно заводные немецкие фарфоровые куклы – кланяться, Егор поспешил последовать их примеру. Пожилой же евнух, и вовсе – как подкошенный – бухнулся на колени, звонко приложившись при этом лбом о дубовые доски пола.

Не дождавшись ответа, Екатерина, мило улыбнувшись, повторила приветственную фразу на немецком и английском языках.

– Они вас совсем не понимают! – глухо сообщил с пола евнух на ужасном английском. – Турецкая женщина – говорить только по-турецки! Извините, Небеснородная!

– Что же, оно и к лучшему, – неотрывно глядя на Егора (под чадрой), негромко произнесла Екатерина на немецком языке. – Я думаю, дорогой сэр Александэр, что всё непременно сладится и получится. Я помогаю вам – в память о моей безвременно ушедшей подружке Луизе де Бровки. Ну, и из безмерного уважения к моей второй подруге – Светлейшей княгине Александре Меншиковой – потерянной навсегда... Удач вам, мой добрый друг! Кстати, минут через двенадцать-пятнадцать незаметно подойдите ко второй маленькой беседке. Там вы услышите нечто весьма интересное и примечательное... Прощайте, храбрый охранитель! Извините, но подсвечника вам оставить не могу. Тем более что сейчас темнота – ваш главный друг и единственный помощник...

С этими словами Екатерина покинула беседку. Затихли звуки её почти невесомых шагов, мелькнули и скрылись за искусно подстриженными шаровидными кустами три добрых светлячка-огонька.

«Это что же такое получается, блин московский, не очень-то и свежий?», – захлебнулся в сомнениях ошарашенный внутренний голос. – «Выходит, этот бестолковый дуралей Алёшка всё рассказал царской жене о предстоящей операции? О двух пожарах, о трёх – как минимум – убитых охранниках, о подброшенном постороннем трупе? Зачем, спрашивается? Или он попросил у Екатерины о помощи только в общих, так сказать, чертах? Ладно, потом разберёмся с зарвавшимся маркизом, объясним, каково это – предпринимать серьёзные действия без однозначного начальственного одобрения. Хотя, какой ты, братец, Алёшке – начальник? Так, уже – насквозь – бывший...».

Выждав некоторое время, Егор упруго поднялся со своего места и внушительно сообщил внуху:

– Теперь, морда наглая, безбородая, сядь и помолчи. Если будешь мешаться под ногами, то придушу – как стамбульского бродячего пса. А могу ещё, по-простому, пожаловаться Медзоморт-паше. Он тебя, мерзавца толстозадого и речистого, разрежет на маленькие кусочки и скормит любимым аквариумным рыбкам...

Егор бесшумно подобрался ко второй маленькой беседке и осторожно отодвинул в сторону гибкую ветку садового боярышника.

Внутри резного деревянного сооружения было достаточно светло, благодаря десятку горящих свеч, расставленных в разномастных подсвечниках тут и там. За прямоугольным столом – друг напротив друга – сидели Пётр и Антон Девиер.

– Что же, господин подполковник, спасибо за справную службу! – подвёл царь черту под уже завершающимся разговором. – Значит, бешеное золото сокрыто в горах североамериканской Аляски? В те края ещё моим отцом, Алексеем Михайловичем, посылались разведывательная экспедиция под руководством служивого человека Семёна Дежнева. Вот, только отчёты по ней, видимо, затерялись где-то – в суеде бестолковых боярских приказов... Надо будет срочно озаботиться этим наиважнейшим вопросом. Особенно это касается географических карт и планов, составленных Дежневым. И о новых экспедициях следует крепко подумать... Идём далее. Получается, что Алексашки на борту фрегата нет, чего, собственно, и следовало ожидать. Следовательно, он высадился где-нибудь на прибалтийском берегу и скоро будет у нас – на Москве...

– Поймаем гада зловредного! – истово заверил Девиер, преданно выпучив водянистые, светло-серые глаза. – Выследим и спеленаем – как миленького! Даже пикнуть, гнида легкомысленная, не успеет...

– Не мели, Антошка, языком попусту! – неодобрительно и сердито посоветовал Пётр молодому голландцу. – Алексашка, он хват нешуточный! Его голыми руками не взять – обучен всякому, умён, сообразителен, осторожен. Тут – без серьёзной крови – не обойтись. Ладно, иди, с этой проблемой я и сам – как-нибудь – разберусь. Позови там других, которые дожидаются очереди...

«Что же, наш Пётр Алексеевич, бесспорно, человек очень даже обстоятельный и разумный!», – уважительно хмыкнул внутренний голос, любящий всё увиденное и услышанное тут же анализировать и раскладывать по полочкам. – «Только, вот, эта его фраза: – «С этой проблемой я разберусь сам»... Что она, собственно, означает? А? Интересно, каким-таким образом царь собирается, братец, разобраться с тобой?».

В переговорную беседку поднялись и – по знаку Петра – расселись напротив него царевич Алексей, Медзоморт-паша и Алёшка Бровкин.

– Что же, высокородные господа, рассказывайте подробно о ваших договорённостях, трудностях, сверках и планах, – вежливо предложил царь. – Короче говоря, обо всём, что сочтёте нужным мне рассказать. Я вас слушаю очень внимательно...

Медзоморт-паша и царевич Алексей по очереди, с пониманием и уважением поглядывая друг на друга, начали рассказывать – на английском языке – о тонкостях российско-турецких отношений. Тысячи пудов отборной русской пшеницы, голландские гульдены, русские рубли, фрахт, плата за риск, динамика развития капризных европейских рынков сбыта...

Цифры, сменяя друг друга, звучали нескончаемой чередой, царь задумчиво хмурился и многозначительно молчал.

«До начала операции осталось минут двадцать – двадцать пять», – неожиданно занервничал внутренний голос, обычно совершенно спокойный и невозмутимый в минуты смертельной опасности. – «Зачем же тогда государева жена посоветовала тебе, братец, подойти к этой долбаной беседке? Чтобы послушать эти пшенично-денежные разборки и торговые планы на будущее? Неспроста это всё, ох, неспроста... Может быть, коварная ловушка? Пошли-ка отсюда, поближе к приоткрытым дворцовым дверям. Предстоящую операцию ещё никто не отменял...».

Егор – под турецкой чадрой – скорчил кислую гримасу, обозначающую сильнейшую степень досады, но, всё же, решил остаться на прежнем месте и дослушать до конца эту абсолютно скучную и пресную беседу.

Неожиданно Пётр вытянул правую руку вверх, призывая собеседников к тишине, и произнёс – совершенно бесцветным голосом:

– Спасибо, господа, за подробный доклад. Всё было очень дельно, вы проделали большую и серьёзную работу. Готовьте тексты новых мирных и торговых Соглашений, я потом их внимательно просмотрю и подправлю – ежели что... Высокородный Медзоморт-паша, у вас же есть необходимые полномочия для подписания таких важных и судьбоносных документов? Отлично! Не утруждайте себя – прямо сейчас – поиском соответствующих бумаг, передайте мне ваши верительные грамоты через несколько дней, так сказать, в торжественной и официальной обстановке. С нашей же стороны все необходимые документы подпишет царевич Алексей. Вести все южные дела – от имени России – я поручаю именно ему... (Царевич – в знак благодарности и признательности за оказанное доверие – коротко, с чувством собственного достоинства кивнул головой). Да, вот ещё, любезный мой Медзоморт-паша... Я приглашаю вас – вместе с вашими прекрасными жёнами, естественно – провести три-четыре дня, оставшиеся до официального приёма, в моём Преображенском дворце. Поболтаем немного в спокойной обстановке о делах земных и небесных, поиграем в шахматы, в нарды, в русское домино... Вы же, надеюсь, не будете против?

Медзоморт-паша – бывший забубённый пират, опытный и битый лис, дипломат до мозга костей – только невозмутимо погладил седую, аккуратно подстриженную бороду и забормотал вежливые слова благодарности.

«Вот, пожалуйста, ещё одна неожиданность!», – обречённо поморщился внутренний голос. – «Хотя, может быть, после предстоящих пожаров Пётр Алексеевич передумает и отменит это решение?».

Пётр, тем временем, вежливо попрощался с царевичем Алексеем и турецким посланником, а адмирала Бровкина (с незабываемыми интонациями Мюллера – из телевизионного сериала про разведчика Штирлица) попросил задержаться.

Ещё через полторы-две минуты, дождавшись, когда царевич и Медзоморт-паша отойдут подальше, царь властно обратился к темноте, окружавшей беседку:

– Эй, дядя, подходи-ка к нам!

По песчано-гравийной дорожке, ведущей от двустворчатых дверей дворца, послушался негромкий скрип-треск. Это послушно перекатывался под подошвами чьих-то сапог мел-

кий гравий. Жалобно скрипнули деревянные ступени беседки под грузными и уверенными шагами...

В желтовато-призрачных отблесках горящих свечей возле стола появился князь-кесарь Фёдор Юрьевич Ромодановский собственной персоной, ведущий за руку маленького, светленького и – визуально – очень шустрого мальчишку.

«Это же Шурик! Вырос-то как, родненький, кровиночка наша...», – зачарованно выдохнул растроганный внутренний голос. – «Что же теперь делать? Совсем скоро в казарме охранной Службы начнётся неслабый пожар. Дальше-то что? Операция уже сорвана, сто один процент! А после пожара царь, наверняка, решит отправить Сашутку в совершенно другое место. Отправит обязательно, гнида осторожная...».

Адмирал удивлённо охнул, а мальчишка, ловко вырвав крохотную ладошку из огромной лапищи князя-кесаря, бросился к Бровкину, восторженно вопя:

– Дядя Алёша, ура, ура! А где мои папа и мама? Где Катенька, Петька, дедушка Иван Артёмич и Лизок? Где они?

– Они немного задерживаются, племянш, извини. Но ты их всех ещё увидишь. Обязательно увидишь, обещаю..., – смущённо, растроганно и очень неуверенно забормотал Алёшка.

Дождавшись, когда порыв родственных чувств слегка утихнет, Пётр вновь забрал нить разговора в свои сильные и уверенные руки:

– Ладно вам, дядя и племянник, угомонитесь! Кому я сказал? Ну? У вас очень скоро будет в достатке времени для общения. Ещё – непременно – успеете надоесть друг другу... Я могу говорить? Вот, спасибо, уважили! Итак, Алексей Иванович Бровкин, вице-адмирал, маркиз де Бровки, я принял окончательное и бесповоротное решение. Причём, принял его под беспрецедентным давлением – практически со всех сторон... Ну, и на основании собственных долгих и муторных размышлений... Итак, адмирал Бровкин, забирай племянника и прямо завтра выезжай – через Урал и Сибирь-матушку – к славному российскому городу Охотску. Там уже хваткие ребята построили крепкий двухмачтовый ял, заложили трёхмачтовый фрегат. Короче говоря, достраивай тот фрегат, иди на нём к этой тайной Аляске и отыщи там Алексашку... Только сперва, Алексей Иванович, дай мне честное слово, что после этого ты – вместе с дочкой Лизой – сразу же вернёшься назад, в Питербурх!

– Государь, да я...

– Ну, адмирал, слово?

– Вернусь, государь! – обречённо выдохнул Алёшка. – Честное благородное слово!

– То-то же! – довольно, словно сытый кот, своровавший с хозяйского стола кусок парного мяса, усмехнулся в реденькие копачьи усики царь. – Продолжаю... Найди на Аляске лагерь нашего Данилыча и хорошенько запомни это место. Не просто запомни, но постарайся и карту – какую-никакую – составить. Понял меня? Потом отдай бывшему Светлейшему князю его отпрыска, заberi свою дочь и поспедай назад... Ах, да, ещё же выкуп... Похоже, что со ста пудами – я погорячился немного. Заberi у Алексашки золото, которое у него будет в наличии. Будет половина запрашиваемого – отлично. Только треть? Да, и чёрт с ним! Так и быть, верни ему сына... Я ведь царь, а не жадный лавочник! Что смотришь так удивлённо, как будто узрел чудо чудное? Интересуешься, наверное, с каких таких вкусных и сочных пирожков я заделался слюнявым мизантропом? Да, просто всё, верный соратник! Во-первых, пока Шурик здесь проживает, то и Александр Данилович будет неустанно вертеться вокруг Москвы, а его фрегаты – тупо курсировать по седой Балтике туда-сюда. Азбука... Это может очень долго продолжаться. Опять же, и кровушка русская, наверняка, прольётся – звонкими ручьями... А так Алексашке, хочет он того или нет, придётся-таки плыть к Аляске, благо это совсем недалеко от Охотска, и золотишко там добывать усердно. Во-вторых, некие прекрасные и нежные наяды – после вашего отъезда – перестанут, надеюсь, на меня дуться и изображать из себя

холодную февральскую льдинку. В-третьих, и с моей души (с царской души!) спадёт тяжёлый камень... Так что, собирайся в дорогу, адмирал! Подробности отъезда мы не будем держать в секрете, а нужные бумаги тебе с самого утра князь-кесарь выправит... Да, место-то «золотое», секретное, не забудь хорошенько запомнить и старательно нанести на карту...

«Какая-то шарада неразрешимая! Что теперь делать, а?», – искренне возмутился окончательно сбитый с толка внутренний голос. – «Медзоморт-паша с жёнами должен трое-четверо суток находится в Преображенском дворце, а Алёшка с Шуриком уже завтра отбывают на Охотск... Если улизнуть из дворца, взять у маркиза Сашутку и рвануть к Кёнигсбергу, то, что у нас получается? Во-первых, это откровенная подстава – и в отношении Медзоморта, и в отношении адмирала. Любой здравомыслящий индивидуум всё это легко сопоставит и сразу же поймёт, что к чему. Во-вторых, если Алёшку взять с собой, то это очень плохо отразится на судьбе остальных Бровкиных – и Гаврюшки, и тестя нашего, Ивана Артемича... И, наконец, в-третьих, Антошка Девиер и князь-кесарь всё сразу и однозначно просекут и тут же перекроют дороги – большие и малые – ведущие на запад. Однако, дела... Может, пусть всё будет, как предлагает Пётр Алексеевич? Для четырёхлетнего пацана так будет гораздо безопасней – не придётся пересекать два безбрежных океана, что сопряжено с серьёзными опасностями. Тем более что Шурик очень плохо переносит качку... Да, и стоит ли нарушать очередной приказ царя, который, в принципе, всех устраивает? Пётр же может разозлиться уже и по-настоящему, тогда только держись, половина страны – между делом – кровью умоется... А так, Шурёнок – в сопровождении родного и любимого дяди – прокатится по всей России с запада на восток, увидит много чего любопытного, полезного и познавательного. А к Охотску мы и сами, братец, подплывём, чего уж там...».

Где-то за Преображенским дворцом неожиданно полыхнуло, к небу взметнулись оранжевые всполохи, тут же со всех сторон предсказуемо зазвучало:

– Пожар! Пожар! Горим!

В темноте – с подсвечниками и факелами в руках – бестолково забежали-засуетились какие-то непонятные фигуры, зазвучали резкие и отрывистые команды офицеров.

Пётр на это безобразие отреагировал неожиданно и совершенно непредсказуемо:

– Вот, понимаешь, не успел! Ну, надо же, а... Голову даю на отсечение, что данный пожар – это Алексашкина работа! Он у меня такой..., – в голосе царя послышались нотки нежной гордости, впрочем, он очень быстро взял себя в руки и громко проорал в темноту: – Девиер, Антон, мать твою голландскую! Быстро ко мне!

Через две-три минуты бледный Антошка был уже в беседке и уверенно докладывал:

– Ничего страшного, государь! Это просто горит казарма охранной Службы. Сейчас ветра нет, поэтому пожар не сможет перекинуться на дворец. Совершенно ничего опасного, высоко-родные гости могут безбоязненно оставаться за столами...

– Хватит, господин подполковник! Помолол языком – чушь свинячью – и тут же оставил! – сердито прервал Девиера царь. – Я тебя позвал совершенно по другому поводу. Выдели-ка два десятка надёжных драгун – для охраны адмирала Бровкина и сего мальчика. Прямо сейчас выдели! Чтобы из дворца они отправились уже под надёжным эскортом. Ну, и дальше пусть драгуны сопровождают моих добрых друзей, то бишь, до самого Охотска. Дальнего такого городка... Озаботься, чтобы все служивые людишки уже завтра поутру были экипированы знатно и получили все нужные бумаги, довольствие денежное и продовольственное. Командира им самолично подбери – надёжного и весьма дельного...

Наконец, Пётр остался в беседке один. Нерешительно покряхтев, он сердито откашлялся и объявил:

– Выходи-ка, Алексашка, на свет Божий! Я же знаю, что ты где-то рядом, сучий потрох... Выходи, не трону! С каких это пор – ты стал труса праздновать, а?

Егор, недовольно поморщившись под чадрой, покорно поднялся по ступенькам лесенки в беседку.

– Ха-ха-ха! – молодым жеребцом заржал царь. – Смотри-ка ты, он чадру напялил! Ай, молодец! Сообразительный, сукин кот... Ну-ка, высунь личико из-под этой накидки. Хочу удостовериться в твоей личности... Ага, молодец, прячься снова. Бледный ты какой-то, Алексашка. Наверное, от переживаний избыточных. Ладно, пошли в мой тайный кабинет, поболтаем немного – о делах наших непростых...

Через двустворчатые, распахнутые настежь двери дворцовых покоев безостановочно и бестолково сновали туда-сюда растрёпанные и испуганные люди обоих полов, поэтому на бесформенную фигуру в тёмной чадре, покорно семенящую за царём, никто особого внимания и не обратил. Пётр уверенно прошёл по широкому коридору, свернул в узкий, снова – в широкий, вновь – в узкий...

Наконец, он дошагал до заветного тупичка: деревянные тёмно-фиолетовые планки морёного дуба, между планками – изумрудно-зелёный бархат. Царь, тревожно оглядевшись по сторонам, зашёл в нишу, уверенно нажал на нужную планку. Лицевая сторона тупика послушно и почти бесшумно отошла в сторону.

– Заходи, Алексашка, – вполголоса предложил Пётр. – Располагайся, как в прежние времена...

Егор, сбросив чадру на пол, уверенно нащупал на маленьком столике коробок со спичками конструкции Меньшикова-Брюса, поджёг одну.

«Ничего не изменилось в тайном кабинете нашего Петра Алексеевича, такой же несусветный бардак, как и прежде», – недовольно поморщился внутренний голос, обожающий порядок во всём. – «Вон же, братец, подсвечник с толстыми огарками. Зажигай свечи быстрее, а то, не дай Бог, пальцы обожжёшь...».

Царь расположился в выдавшем виды кресле с прожжёнными подлокотниками и, небрежно указав правой рукой на стул, предложил:

– Присаживайся, Алексашка, присаживайся.... Давай, я буду говорить, а ты, соответственно, будешь молчать и слушать?

– Как скажешь, мин херц...

– Серый тамбовский волк тебе, вражине, «мин херц»! Ладно, проехали... Погорячился я, короче говоря. Вспылел, вот, и издал Указишко этот. Бывает... А теперь уже ничего не попишешь. Не отменять же, в самом деле... Опять-таки, и тебе, морде наглой, так будет спокойней и безопасней. Вот, сам посуди. Допустим, что Указ, наплевав на все правила, я отменю. А потом как-нибудь – по приличному поводу – напьюсь в дымину. При этом, естественно, вспомню все былые обиды, да и велю – в пьяном угаре – отрубить тебе буйну голову... Может такое случиться?

– Запросто, – подтвердил Егор.

– Не смей – так ехидно ухмыляться! – вспылел Пётр. – Деятель из Будущего, понимаешь! Кем ты там был-то? Военным телохранителем? Оно и видно... Слушай сюда, господин Охранитель! Поплывёшь на свою Аляску и добудешь там золота – сколько сможешь. В Охотске сто пудов сдашь в казну. Там тебя будет ждать мой новый Указ, мол, старые грехи прощаются, и Александр Данилович Меньшиков назначается..., э-э-э, ещё не придумал кем... Воеводой восточных русских земель? Топорно как-то звучит... Восточным Наместником? Чести много. Ладно, потом решу... Живи в тех краях, Алексашка, властвуй. Прибирай под российскую корону новые земли... Чтобы ещё полезного извлечь из твоего плаванья? Ага, ага... Ты же, небось, планируешь посетить шведский Стокгольм? Мол, с друзьями старинными надо повидаться, то, да сё...

– Были такие мысли, – честно признался Егор. – Хотел я у Карлуса попросить пару дельных кораблей. Так, на всякий случай. Для усиления экспедиционной мощи.

– Молодец! – одобрил царь. – А не подарить ли шведскому королю – по поводу встречи – русскую рогатину для охоты на медведя?

– Зачем, мин херц?

– Затем, что очень надо! Рогатина-то будет непростой... Умельцы Антошки Девиера её древко подпилят – где надо, а после замажут специальным клеем, чтобы надпил был полностью незаметен. Карл – юноша отважный и сумасбродный. Зимой обязательно отправится на медведя... Понимаешь, о чём я толкую? Высокая политика, как ты сам меня учил, дама грязная и коварная...

Уже в самом конце разговора, Егор поинтересовался:

– Государь, а почему ты ничего не спрашиваешь про Будущее?

– Ну, его – в одно неприглядное место! – помрачнел Пётр. – Не хочу я этих знаний. Вернее, опасаясь. Ничего хорошего это мне не даст, кроме головной боли и душевных терзаний...

Глава пятая

Стойкие оловянные солдатики в Стокгольме

От Кёнигсберга они отчалили только во второй декаде августа. Так, уж, получилось, качество русских дорог никогда не способствовало быстрому передвижению по ним...

А Медзоморт-паша решил на недельку задержаться в славном немецком городке.

– Хочу осмотреть местные артиллерийские новшества, вдруг, что и закуплю для нужд армии и флота Небеснородного султана, – заявил турок. – Вот, ещё, сэр Александэр. Тут – перед самым нашим отъездом из Москвы – ко мне подошёл брат маркиза де Бровки, который назвался Гаврилой. Не знаю, стоит ли ему верить, больно, уж, лицо такое – чрезмерно серьёзное и умное... Он велел передать, мол, на твоём фрегате есть один человек, который представлен наблюдать Небеснородным царём. За всем происходящим усердно наблюдать и докладывать – с любой оказией. Русское имя тому любопытному человеку...

– Не говори, паша, не надо! – прервал турка Егор.

– Хорошо, не буду. Но, собственно, почему?

– Пётр мог и соврать, чтобы внести разлад в мою команду. Человек, который передавал имя, тоже мог соврать...

– Не продолжай, сэр Александэр, я всё понял...

Трёхмачтовый бриг «Король», заложенный почти тринадцать с половиной лет назад на лондонских королевских верфях, считался уже стареньким. Кроме того, он строился сугубо как торговое судно, поэтому был очень широким и внешне неуклюжим, слегка напоминая Егору приземистого английского бульдога.

– Ничего, зато мой «Король» очень устойчив на сильной боковой волне и всегда послушен рулю! – искренне нахваливал бриг Людвиг Лаудруп. – Правда, пушек маловато, всего-то двенадцать. Да, ничего страшного! Бог, как известно, он всенепременно помогает смелым и отважным...

На борт «Короля», кроме корабельной команды и рядового состава экспедиции, поднялись: Лаудрупы, Меньшиковы, Лиза Бровкина, горничная Лукерья, Илья Солев и молчаливый Фрол Иванов, сразу же удалившийся на корму брига.

– Что, подполковник, осталась на берегу твоя прекрасная Матильда? – Егор по-дружески положил руку на широкое плечо Иванова.

– Почему – на берегу? – подчёркнуто невозмутимо ответил Фролка. – Она ещё тогда, на Васильевском острове, поднялась на борт «Апостола Петра». Опираясь на локоток этого, – чуть слышно скрипнул зубами, – прыща голландского, Антона Девиера.

– Так и ты оставался бы с ней! Чего с нами-то поперся, спрашивается? Личное счастье, поверь мне, оно всего дороже на этом свете. Как, впрочем, и на всех прочих...

– Нет, Александр Данилович, ничего бы не получилось! Матти, она же очень умная, рассудительная и расчётливая. Сразу же сообразила, что я – уже далеко неблестящая партия. Как это – почему? Понятно, что сейчас все люди, которые с тобой, Данилыч, водили дружбу, навсегда лишатся карьерного роста. А за любую малейшую промашку – обеспечена пожизненная каторга. Диалектика, как ты сам любишь говаривать... Матильда тут же всё смекнула, меня стала старательно избегать и сторониться, а этому Антошке голландскому, наоборот, начала строить глазки... Так что, может, оно всё и к лучшему. Вдруг, да и встречу в дальних заморских странах настоящую любовь...

Оставив Фролку наедине с его разбитым сердцем, Егор прошёл на капитанский помост и спросил у Лаудрупа:

– Людвиг, а почему ты не поднимаешь на мачте «Короля» адмиральского вымпела? Раз командор всего похода, то бишь, я нахожусь на борту, значит, и твой бриг теперь является флагманским судном.

– Честно говоря, российский адмиральский вымпел мне теперь как-то неудобно поднимать, – задумчиво пощипывая длинный пиратский ус, сообщил датчанин. – Как ни крути, а я в это плавание отправился без высочайшего одобрения Петра Алексеевича, государя русского. Есть у меня и личный вымпел, оставшийся ещё со старых времён. Но, только, рановато его пока поднимать. Вот, когда выплывем в благословенную Атлантику, тогда и подниму... Кстати, командор Александэр! Мы, ведь, так и не оговорили предстоящий маршрут. Куда, в конце концов, мы следуем, а? Дальние восточные земли... Неужели ты говорил про арабские страны? Или же про загадочную Индию? Какие у нас будут промежуточные остановки?

Егор нервно подёргал щекой. Лаудруп, конечно же, был моряком опытным – плавал в Балтийском, Северном и Средиземных морях, ходил к Исландии и Шпицбергену, посещал Канарские острова и португальский остров Мадейру. Но всё это – даже и вместе взятое – являлось сущей ерундой перед предстоящим маршрутом. Не испугается ли шкипер, не раздумает ли, часом?

– Проходим проливом Ла-Манш, – осторожно начал Егор. – Доходим до южной оконечности Португалии, после чего пересекаем Атлантический океан. Далее – вдоль южно-американского побережья – идём на юг, проходим Магеллановым проливом...

– Ничего себе! – присвистнул Лаудруп. – Потом – что? Между делом проходим – с востока на запад – Тихий океан?

– Зачем? Такой необходимости нет. Мы идём вдоль американского берега строго на север. Пока не упрёмся в холодные полярные льды. Вот, там и остановимся на годик-другой, построим крепкий стационарный посёлок, будем усердно добывать золото.

– Красивый и замечательный маршрут! – насмешливо одобрил Лаудруп. – Шансов, что в конечном итоге останемся живыми, совсем мало. Впрочем... Золота много в тех дальних краях, сэр Александэр? Это, конечно, хорошо... Обратном пойдём тем же путём?

– Золота там хватит на всех! – пообещал Егор. – И русской казне отсыплем, и про себя не забудем. А с обратным маршрутом определимся позже. Уже на месте.

– Если я правильно понял, сэр Александэр, то наша первая остановка будет в порту моего родного Копенгагена?

– Нет, шкипер, держим курс на древний город Стокгольм! – огорошил Лаудрупа Егор.

– Как – на Стокгольм? – густые брови датчанина поползли вверх. – Но там же шведы! А на подходе к Стокгольму дежурит их многопушечная эскадра...

– Ничего страшного, Людвиг! В 1699-ом году на Митаве я встречался со шведским королём, и у меня имеется бессрочная путевая охранная грамота за его подписью. При предъявлении этой бумаги все подданные Карла обязаны незамедлительно сопроводить меня – до столицы Швеции.

Утренний туман рассеялся, и балтийская водная гладь, покрытая лёгкой рябью, весело заискрилась под лучами ласкового августовского солнышка. Корабли, подгоняемые лёгким бризом, обогнув длинный мыс, ограничивающий кёнигсбергскую бухту с севера, взяли курс на шведскую столицу. На северо-западе из вод залива гордо выступали одиночные голые скалы, над которыми кружили беспокойные белые чайки. За тёмно-серыми скалами угадывались смутные очертания неизвестного парусника.

– Неужели мы больше никогда не увидим России? Как там наш Шурочка? Как мой папенька, Иван Артёмич, переживёт всё это? – крепко прижимаясь к его плечу, горестно спросила Санька, и Егор почувствовал, как на кисть его правой руки упала крохотная горячая капелька, за ней – вторая...

Егор бережно обнял жену за нежные плечи, осторожно коснулся губами её светло-льняных, почти платиновых волос.

– Ничего, ничего. Я сейчас успокоюсь, – пообещала Санька и неожиданно сменила тему: – Саша, а ничего, что мы плывём в Стокгольм? Ну, Швеция, ведь, воюет с нашей Россией, а мы направляемся в гости к их Карлосу. Нехорошо это как-то...

– Во-первых, мы не собираемся выдавать шведам никаких русских государственных и военных тайн, – после непродолжительного молчания ответил Егор. – Просто попросим предоставить нам – на взаимовыгодных условиях – пару крепких кораблей. Для такого серьёзного путешествия нужна и соответствующая эскадра. Во-вторых, в Северное море предстоит выйти датскими проливами – Каттегатом и Эресунном – где дежурит шведская эскадра, поэтому в любом случае нам не миновать Стокгольма. И, в-третьих, какой из Карла Двенадцатого – полноценный враг? Враг, это тот, который планирует отнять у тебя что-либо и получить финансовую выгоду – в случае воинской победы. А Карлус – обычный самовлюблённый мальчишка, дерзкий, но недалёкий и простодушный. Его интересует только сам процесс войны, а вовсе не её результаты. Пострелять, помахать шпагой, закатить шумный бал в случае успеха, потом двинуться дальше – на поиск новых приключений на свой тощий шведский зад... Поверь, душа моя, с таким несерьёзным и легкомысленным королём – вечным юношей – Швеция очень скоро перестанет играть в Европе роль первой скрипки. Да и второй, и третьей... Вот, Германия, Франция и Англия – это да. Там у власти находятся ребята серьёзные и совсем непростые...

Ветер – час от часа – крепчал. Старенький «Король», словно подвыпивший русский мужик, начал раскачиваться с одного борта на другой, скрипя и постанывая при этом тоненько и жалобно. Багровое вечернее солнце испуганно спряталось в сизых грозовых тучах, появившихся неведь откуда.

– Енсен, морда ленивая! Живо убрать топселя! – прикрываясь рукавом камзола от солёных брызг забортной воды, скомандовал Лаудруп и пояснил Егору. – До Стокгольма осталось миль пятнадцать-семнадцать. По такому ветру, да на ночь глядя, не будем рисковать лишний раз. Встанем на траверсе столичной гавани, рядов со шведскими сторожевыми фрегатами. А в порт зайдём уже завтра, если ветер стихнет, и разрешение получим надлежащее...

На капитанском помосте появился Томас Лаудруп, требовательно постучал Егора по спине, строгим голосом («В матушку Герду пошёл!»), – насмешливо отметил внутренний голос), сообщил:

– Дядя Саша! Вам непременно надо спуститься вниз, в кают-компанию! Непременно и незамедлительно!

В кают-компании царил вязкий полумрак, с которым настойчиво боролись два масляных фонаря, оснащённых высокими стеклянными колпаками. Санька обессилена откинулась в широком кожаном кресле, ножки которого были намертво приколочены к палубе. Глаза жены были закрыты, голова обессилена моталась из стороны в сторону, побелевшие кисти рук отчаянно сжимали подлокотники кресла. Из дальней части помещения неожиданно раздавались булькающие звуки: это, забившись в угол и крепко сжимая в руках медный тазик, хрипло и безостановочно блевала горничная Луша. Герда же держалась на удивление спокойно, тихонько покачивая на руках уснувшую Лизу Бровкину.

Егор повернул голову в другую сторону, старательно высматривая в сером полумраке своих детей.

Катенька скорчилась на узкой кровати, плотно завернувшись в одеяло, из-под которого высовывалось её испуганное личико, вернее – создавалось такое впечатление – только остренький носик и голубые испуганные глазёнки.

– Папочка, мне очень страшно! – отчаянно выдохнула дочка. – Мы, что же, скоро утонем? Тётя Герда говорит, что нет. Но кораблик так стонет и плачет, жалуется, что очень сильно устал, что не может больше... Папочка, мы не утонем?

– Нет, конечно же, родная! – заверил Егор, бережно целуя девочку в бледный лобик.

На второй кровати, стоящей у противоположной стены узкого помещения, сидел, сложив ноги по-турецки, его сын Петруша. Мальчик, крепко зажмурив глаза, плавно раскачивался из стороны в сторону, его светло-русые, почти платиновые волосы («И этот – копия своей мамы!», – одобрительно высказался внутренний голос), были нещадно растрёпаны, подбородок предательски дрожал, по щеке сползала одинокая слезинка.

– Что же теперь делать? – жалобно спросил Егор у толстушки Герды.

– Как это – что? – удивилась датчанка, чёрные волосы которой – даже в этой непростой ситуации – были уложены в идеальную причёску. – Разве Томас не сказал? Вот же, забывчивый пострелёнок, весь в отца! Дети просят, чтобы им перед сном рассказали сказку. Я пробовала. Только они говорят, что всё не то, что, мол, только их папа умеет хорошо рассказывать сказки. Вот, и рассказывай, сэр Александр! И я послушаю с удовольствием...

– Сказку? – оживился Петруша и широко распахнул ярко-васильковые (Санькины!) глаза. – Да, папочка, расскажи, пожалуйста!

– Расскажи! – тоненьким голосом поддержала брата Катя.

Егор часто рассказывал детям на ночь сказки. Причём, те сказки, которые сам слышал и запомнил в своём двадцать первом веке, других-то он и не знал... С одной стороны, это было неправильно. А, с другой, какая разница, если покойный Аль-кашар не соврал, и мир уже разделился на два параллельных, никак не зависящих друг от друга? В его вечернем репертуаре находились братья Гримм, Ганс Христиан Андерсен, Астрид Линдгрен и, даже, Александр Грин.

В этот раз он рассказал сказку о «Стойком оловянном солдатице». Только, вот, концовку повествования он – самым бессовестным образом – изменил. В его варианте оловянный солдат и бумажная балерина героически спаслись из жаркого пламени, поженились, и у них родились дети-близняшки: маленький бумажный солдатик и крохотная оловянная балеринка...

Результат получился совершенно неожиданным. Дочка, выбравшись из-под одеяла, села на край кровати и торжественно объявила:

– Папа, я всё поняла! Оловянные солдатики – это мы! Ты, мама, я, Петрушка, тётя Герда, Томас, все остальные, кто плывёт с нами...

– Верно! – поддержал сестру Петька. – Стойкие и непобедимые оловянные солдатики! Мы всё выдержим, не утонем в море, не сгорим в огне, обязательно победим и вернём нашего Шурика!

«Понятное дело, это Томас Лаудруп, бывший на берегу при оглашении царского Указа, и со всеми остальными детьми поделился полученной информацией», – невесело резюмировал внутренний голос. – «Эх, надо же было переговорить с ним! Впрочем, теперь уже поздно переживать, раньше надо было думать...».

– Хорошо, чтобы так всё и было, – вздохнула Герда, после чего уверенно добавила: – Так всё и будет! Потому, что детскими устами – говорит само Проведение...

К шведской эскадре, стоящей на якорях на траверсе стокгольмской гавани, «Король» и «Александр» подошли под зарифлёнными парусами уже на самом закате, когда на Балтийское море начал медленно опускаться плащ ночного тёмно-сиреневого сумрака. Корабли синхронно отдали якоря, и уже через пять-шесть минут после этого послушно замерли, остановившись между двумя шведскими фрегатами, чьи тёмные силуэты угадывались в отдалении.

На следующий день на борт «Короля» поднялся шведский офицер: толстый, вальяжный, с широченной сине-жёлтой треуголкой на голове и в традиционных ярко-жёлтых ботфортах на ногах. Швед величественно прошествовал на капитанский мостик и, брезгливо выпятив вперёд нижнюю губу, поинтересовался причинами, заставившими два этих судна – под странными

и неизвестными флагами – так близко подойти к славному городу Стокгольму, где ко всем иностранцам принято относиться крайне подозрительно.

В ответ на эту негостеприимную тираду Лаудруп, низко поклонившись, протянул нелюбезному офицеру скромный, заранее развёрнутый пергаментный свиток. Швед, быстро пробежав по тексту глазами, замер на несколько секунд, после чего громко сглотнул слюну и почтительно поинтересовался:

– Кто из вас, господа, является благородным сэром Александэром?

Егор, положив правую ладонь на золоченый эфес шпаги, молча, сделал полшага вперёд и небрежно кивнул. Швед мгновенно сорвал с головы сине-жёлтую треуголку и, выставив вперёд правую ногу, принялся старательно подметать головным убором и без того чистую палубу «Короля». Только минуты через три-четыре он утомился и скромно поинтересовался – чем может служить высокородному и доблестному кавалеру, чьё благородное имя известно всей Швеции.

– Мы приплыли в гости к знаменитому и отважному королю Карлу по его собственному приглашению! – важно известил Егор. – Во-первых, мы бы хотели незамедлительно войти в стокгольмскую гавань и отдать якоря у достойного причала. Во-вторых, – достал из-за обшлага рукава камзола небольшой светло-коричневый конверт, – необходимо срочно передать это послание шведскому государю.

Утром следующего дня, сразу после завтрака, у трапа «Короля» остановились две чёрные кареты с запряжёнными в них высокими и мосластыми лошадами. Рядом с повозками нетерпеливо приплясывали на месте злые чёрные кони десяти широкоплечих шведских драгун.

Из передней кареты на мостовую неуклюже, тощим задом вперёд, выбрался сутулый и седобородый господин, внешне очень похожий на Дон Кихота – в исполнении великого русского актёра Черкасова.

– Сам благородный Ерик Шлиппенбах почтил нас своим вниманием! – торжественно объявил Егор. – Готовьтесь, милые мои барышни, этот пожилой господин хронически говорит, молчать не умеет совершенно. Как назло, он неплохо освоил и английский язык...

В этот раз старый шведский генерал был одет не в стальные серо-голубоватые стильные латы, в которых он щеголял во время русского штурма Нотебурга, а в обычные чёрные одежды, местами отороченные тёмно-фиолетовыми кружевами. Тем не менее, он, всё равно, смотрелся ужасно солидно и благородно.

Неутомимый внутренний голос – на этот раз – удивил Егора по-настоящему, заявив: – «А, ведь, Ерик Шлиппенбах здорово похож на Координатора – из двадцать первого века! Мы с тобой, братец, генерала при штурме Нотебурга видели только в латах, тогда это сходство не бросалось в глаза. А сейчас, в штатском, совсем другое дело! Орлиный нос, тёмное морщинистое лицо, обрамлённое длинными седыми волосами, голубые всезнающие глаза. Если сбрить эту козлиную бородёнку, то и получится – вылитый Координатор! Может, генерал тоже трудится на службу SV? Типа – новый Аль-кашар? Будь осторожнее, братец...».

Оказавшись на борту «Короля», Ерик Шлиппенбах незамедлительно и планомерно атаковал Саньку и Гертруду, минут двадцать расточая длинные и цветастые комплименты, часть которых, впрочем, досталось и адмиралу Лаудрупу, узнавшему – не без толики удивления – о своих неисчислимых и замечательных достоинствах.

Покончив с этими старомодными церемониями, генерал важно известил Егора:

– Дорогой сэр Александэр, доблестный король Карл прислал за вами карету! Мой повелитель помнит о вас. Мало того, он осведомлён и о вашем рыцарском поступке – во время русского штурма крепости Нотебурга. Король хочет лично выразить вам благодарность... Прошу, сэр Александэр, проследовать в карету! Кого вы можете взять с собой? Да, кого вам будет угодно, сэр! Наши кареты очень просторны, ибо мой король Карл, как это и положено настоящему рыцарю, очень гостеприимный и хлебосольный хозяин...

«Какой разговорчивый тип!», – хмуро отметил внутренний голос. – «И акцент у нашего генерала какой-то странный, шпионский...»

Перед отъездом Егор подарил Шлиппенбаху картину маслом – «Русские войска штурмуют шведскую крепость Нотебург», рисованную Сашенцией с его же слов. Генерал долго и восторженно ухал, безостановочно благодарил Саньку, неустанно любясь при этом верхним правым углом картины, в котором он сам – в блестящих стальных латах, с развивающейся по ветру седой бородой – грозно размахивал длинной шпагой на полуразрушенных крепостных стенах.

Дождавшись, когда швед окончательно выдохнется, Егор вежливо спросил:

– Как вы думаете, генерал, если я подарю королю Карлу русскую рогатину – для медвежьей охоты – это будет прилично?

– Более чем! – горячо заверил Шлиппенбах. – Просто отличный и замечательный подарок! Его величество будет в полном и бесконечном восторге...

– А нет ли у шведского короля сердечного увлечения? – вежливо поинтересовалась предусмотрительная Сашенция. – Я имею в виду особу женского пола, которую тоже будет прилично – презентовать скромным подарком?

– Есть, конечно же! – с непонятными интонациями в голосе, странно блестя глазами, ответил генерал. – Что ей подарить? Не знаю, право! Уж, такая нестандартная персона, взбалмошная, легкомысленная...

– Ничего страшного! – твёрдо заверила Санька. – Мы с Гердой Лаудруп и сами – штучки не простые. Подберём...

Егор, направляясь к каретам, нёс на правом плече тяжёлую медвежью рогатину. Знатная была вещица – сами «рога» стальные, а толстое дубовое древко было покрыто искусной резьбой. Эту рогатину на борт «Короля» в Кенигсберге самолично доставил Антошка Девиер.

Егор шёл по корабельным сходням и думал: – «Вообще-то, дарить подарки с «двойным дном» – дело скользкое, как утверждает народная мудрость. Мол, очень плохая примета. Да ладно, авось, пронесёт. Царский приказ надо выполнять. Высокая политика, мать её...».

Глава шестая

Шведское упрямство и плохая примета (Особенности русско-шведской охоты на медведей)

В первой карете разместились мужчины: Ерик Шлиппенбах, Егор, а также Людвиг и Томас Лаудрупы. Во второй карете следовали Санька и Гертруда – в сопровождении всех детей, включая крошечную Лизу Бровкину. Пять драгун размеренно трусили впереди карет, ещё пятеро замыкали походную колонну.

– Куда мы направляемся, генерал? – спросил Егор. – Разве, не в королевский дворец?

– Король с самого детства не любит своего дворца! – с нотками гордости в голосе ответил старый неисправимый романтик. – Он предпочитает заброшенные и неухоженные рыцарские замки, грубые охотничьи домики, походные биваки у жарких армейских костров... Сейчас мы направляемся в знаменитый Кунгсерский лес¹¹, где выстроен неплохой бревенчатый замок.

Егор с интересом рассматривал Стокгольм, неторопливо и величественно мелькавший за окошками кареты. Длинные аллеи и обширные скверы, улочки, расходящиеся в разные стороны – прямыми лучами – от королевского дворца. Над булыжными мостовыми таинственно нависали, слегка приглушая дневной свет, старинные, массивные и коренастые дома.

– Эта часть города очень и очень древняя, – любезно пояснил Шлиппенбах. – Она называется – Гамла Стан.

– Очень красиво! – согласился со шведом Лаудруп, ранее уже посещавший Стокгольм. – И очень чисто. Прямо-таки, неправдоподобно чисто...

Кунгсерский лес оказался великолепным столетним бором, в котором – между пышными белыми мхами – задумчиво шумели на ветру шикарные корабельные сосны. Над весёлым водопадом, с грохотом низвергавшимся в глубокое ущелье, возвышался симпатичный бревенчатый дом, вернее, некое подобие рыцарского замка – с многочисленными башенками и бойницами.

Не доезжая до замка метров шестьсот пятьдесят, кареты остановились. Здесь просёлочная дорога резко обрывалась, дальше гостям предстояло идти пешком – по узкой, но хорошо натоптанной тропе. Возле высокого крыльца размещались просторные железные клетки, в которых угрожающе порывивали шесть разномастных полугодовалых медвежат.

– Ой, мишки! – звонко закричала Катенька. – Папа, можно их погладить?

– Нельзя! – строго ответил Егор, на руках которого дремала маленькая Лиза Бровкина, утомившаяся в пути. – Зверь – всегда зверь! Даже, если, и маленький. Руку откусит в одно мгновение, а ты и не заметишь.

– Ну, тогда и ладно! – покладисто согласилась дочка. – Обойдём мишек стороной...

Со стен столового зала бревенчатого замка на вновь прибывших путешественников смотрели печальными стеклянными глазами головы благородных оленей, лосей, косуль и диких кабанов. В камине, не смотря на летнее время, лениво потрескивал яркий огонь, на многочисленных полках и полочках красовались искусно сработанные чучела самых разных птиц: гусей, лебедей, уток, аистов, глухарей, тетеревов...

– Красивые какие! – непосредственный Петька ловко залез на высокий табурет и принялся с интересом ощупывать чучело большой полярной совы.

А Томас Лаудруп тут же бросился к дальней стене зала, густо увешанной разнообразным холодным и огнестрельным оружием, и, не тратя времени даром, вытащил из ножен, украшенных драгоценными камнями, кривую арабскую саблю, чей булатный клинок тускло отливала благородной синевой.

¹¹ Кунгсерский лес – любимые охотничьи уголья Карла Двенадцатого.

– Дети, прекратите немедленно! – рассерженной гусыней зашипела на английском языке Гертруда. – Мальчики из приличных семей так себя не ведут...

– Ведут, ведут! Ещё как – ведут! – насмешливо заверил всех ломкий юношеский басок, и из боковой двери показался король Карл – под ручку с ослепительной черноволосой красавицей, разодетой по последней парижской моде.

Шведский король за прошедшие годы – с момента их памятной встречи на Митаве – почти не изменился. Всё тот же потрёпанный серо-зелёный кафтан, застёгнутый на все костяные пуговицы, белый шарф на тонкой шее, на ногах – легендарные (уже легендарные!), ярко-жёлтые кожаные ботфорты. А, вот, женщина, стоящая рядом с этим непрезентабельным юнцом, очень напоминавшим Егору царя Петра в молодости, была просто восхитительна: стройная, высокая, с гордой, очень длинной белоснежной шеей, а глаза – тёмно-зелёные, с ярко-выраженной развратинкой. Такие глаза способны свести с ума кого угодно – и принцев, и нищих...

«Роковая женщина, мать её растак!», – высказался высокоморальный внутренний голос. – «Я таким ненадёжным и опасным особам – головы бы рубил сразу, без суда и следствия. Ничего хорошего от них никогда не дождёшься – одни только неприятности, изощрённые каверзы и безжалостно разбитые мужские сердца...».

Прекрасную зелёноглазую госпожу звали – графиня Аврора Кенигсмарк, и об её неземной красоте и откровенно-авантюрных наклонностях знала вся Европа, а глупые и романтически настроенные трубадуры – вроде старого Ерика Шлиппенбаха – даже слагали про графиню душещипательные и восторженные баллады.

Сашенция презентовала шведской графине русский летний сарафан, щедро расшитый разноцветными узорами и розовым речным жемчугом из северных вологодских и архангельских рек.

– О, какая чудная и необычная вещица! – воскликнула прекрасная Аврора, прикидывая сарафан к точёным белоснежным плечам и многозначительно поглядывая на Карла чуть затуманенным взором. – Мой любимый король, я думаю, что эта одежда будет просто незаменима в нашей спальне. Особенно, если по подолу сделать парочку пикантных и глубоких разрезов...

Егор непроизвольно усмехнулся, заметив, как пунцово и смущённо покраснела Санька – сметливая графиня достаточно верно угадала одну из важнейших функций этой детали русского женского туалета. А, вот, шведскому королю не было никакого дела до всякой ерунды – он с увлечением, не обращая на окружающих ни малейшего внимания, рассматривал подаренную ему русскую рогатину, взвешивая её в руке и с вожделием поглядывая на чучело бурого медведя, замершее в дальнем углу зала на задних лапах.

Наконец, Карл не выдержал и почтительно обратился к Егору:

– Сэр Александэр, не продемонстрируете ли, как надо правильно обращаться с этой хитрой штуковиной? Я много слышал о русском способе охоты на медведей, но, вот, теперь несколько теряюсь... В чём тут смысл?

– С удовольствием объясню, государь! – ответил Егор и, забрав из рук короля рогатину, неторопливо подошёл к чучелу медведя.

Опыт хождения на медведей с рогатинами у него был скромный и откровенно-небогатый. Всего-то два раза Егор составлял компанию Николаю и Ивану Уховым в этом опасном виде охоты, да и сам при этом стоял только на подстраховке – с надёжным ружьём в руках. Но, всё же, в теоретической части он был подкован неплохо.

Егор – под наклоном – упёр древко рогатины в пол, приставил «рога» к груди чучела и приступил к объяснениям, послушать которые тут же захотели все персоны, находящиеся в столовом зале замка:

– Зимой, как всем вам известно, господа и дамы, медведи крепко спят в берлогах. Первым делом, надо отыскать такую берлогу и – при помощи длинных палок – выгнать зверя наружу.

Медведь, естественно, впадает в сильнейшую ярость и от этого сразу же встаёт на дыбы, ну, как данное чучело...

– Страшный такой! – скорчила испуганную гримасу маленькая Лиза Бровкина.

– Ерунда! – успокоил двоюродную сестрёнку Петька. – Вона, у моего папеньки рогатина какая! Большая и надёжная!

Откашлявшись, Егор продолжил:

– Итак, медведь выбрался на свежий воздух и встал на задние лапы... В этот момент охотник должен – вот так – упереть древко рогатины в землю, а её острые «рога» воткнуть зверю в грудь. При этом желательно, чтобы за спиной храброго охотника находилась надёжная опора: толстый ствол дерева, например, или просто – вертикальная скала. Ну, в общем, и всё...

– Как – всё? – не понял Карл. – А кто же убивает медведя?

– Никто его не убивает, – терпеливо объяснил Егор. – Охотник держит зверя на рогатине. Медведь, ничего не понимая, пытается достать человека и напирает вперёд, всё глубже и глубже нанизываясь на острые «рога»... Вот, через час-другой зверь и погибает – от потери крови...

– Очень мужественно – так долго держать разъярённого зверя на этой русской рогатине, неотрывно глядя при этом в его дикие и страшные глаза! – восторженно заявила прекрасная графиня Кенигсмарк. – Наверняка, при этом испытываешь совершенно невероятные ощущения...

«Вот-вот, а я что говорил?», – недовольно заныл дальновидный внутренний голос. – «Ничего хорошего не стоит ждать от этих роковых красоток, они только провоцировать большие мастерицы – на всякие вредные глупости... Головы им рубить, не ведая жалости! И все дела...».

Шведский король задумался на минутку-другую, после чего разродился чередой вопросов:

– Можно ли летом ходить на медведя с рогатиной? Бывает ли, что погибает сам охотник? Принято ли в России, чтобы охотника страховали его друзья, оснащённые надёжными ружьями?

«Будь осторожней со словами, братец!», – заботливо посоветовал осторожный и наблюдательный внутренний голос. – «Очень похоже, что наш шведский шалопай всерьёз заинтересовался этим опасным мероприятием. Как бы не приключилось беды...».

Егор, надев на физиономию маску нешуточной озабоченности, и обеспокоено покачивая головой, начал отвечать, дисциплинированно учитывая очередность прозвучавших вопросов:

– Летом, ваше величество, охотиться с рогатиной на медведя невозможно. Как заставить зверя встать на дыбы? Далее, охотники тоже иногда погибают. Медведи, они же очень тяжёлые, древко рогатины иногда не выдерживает и ломается. Соответственно, после этого сами понимаете, что происходит... Подстраховка с ружьями? Конечно же, это надо делать в обязательном порядке! И рука у охотника может дрогнуть, да и нога неожиданно поехать, поскользнувшись... Только сумасшедшие отказываются от страховки. Они, в основном, и погибают...

– Что же, я всё понял, спасибо! – нервно передёрнул узкими плечами шведский король и, нежно проведя ладонью по толстому древку подаренной рогатины, заметил вскользь: – У этого оружия – рукоятка не сломается... Как медведя заставить летом встать на задние лапы? Тут надо подумать...

Карл Двенадцатый был насквозь прагматичным молодым человеком. Слегка грубоватым, консервативным, полностью чуждым сентиментальности и не имеющим никакого представления о хороших манерах и условностях, принятых в высшем европейском обществе. Да и сам термин – «высшее общество» понимался этим юнцом достаточно своеобразно. Если ты – до желудочных колик – любишь войну и обожаешь медвежью охоту, и при этом у тебя ещё водятся

деньжата, которые ты не жалеешь для своего короля, то ты и есть – «высшее общество», в не зависимости от происхождения и наличия в организме мужицкой подлой крови...

Поэтому сразу после краткой процедуры взаимных представлений и лекции об особенностях национальной русской охоты на медведей, шведский король тут же перешёл к делу, заявив:

– Сэр Александэр! Я безумно рад видеть вас лично, членов вашей семьи и ваших благородных друзей. Ну, и всё такое... Только, вот, со временем у меня туго – вечером мы выезжаем на глухариные тока, которые в этом году очень сильно припозднились. Задумчивый вечерний закат, нежный утренний рассвет, древние прекрасные птицы, бьющиеся на смерть... Вы меня, надеюсь, понимаете? Просто отлично! Так вот, до обеда остаётся ещё порядка двух часов, и мы успеем подробно поговорить о делах. Тем более что я не люблю – во время трапезы – обсуждать серьёзные вещи. Да и к разносолам и всяким прочим экзотическим блюдам я полностью равнодушен... На войне питаюсь только свежими овощами, запивая их чистой ключевой водой. А на охоте могу предложить гостям только мясо дичи, убитой мной, запеченное и жаренное над огнём и углями, да крепкое шведское пиво. Настоящему воину всякие современные утончённые излишества совершенно ни к чему... На чём я, простите, остановился? Ах, да! Вы же, сэр Александэр, не станете меня уверять, что прибыли в Стокгольм только ради праздного любопытства? Тут мне доложили, что на мачтах ваших кораблей подняты – отнюдь – ни русские официальные флаги, а это понимающему человеку говорит о многом... Кстати, кто придумал такие замечательные знамёна? Я имею в виду – золотоглазых чёрных кошек?

– Моя жена, княгиня Александра Меньшикова! – ответил Егор и тут же поправился. – То есть, уже бывшая княгиня...

– Полноте, бывших князей и княгинь не бывает! – Карл склонился в почтительном полупоклоне перед Санькой. – Отнять княжеское достоинство (я имею в виду – настоящее, природное княжеское достоинство!), не по силам никому... Княгиня, примите мои уверения – в самом искреннем почтении! – тут же позабыл о Саньке и продолжил прерванный разговор с Егором: – Предлагаю немедленно разделиться на две группы. Женщины и дети останутся в доме – в обществе моей прекрасной и взбалмошной Авроры. Здесь много забавных и интересных игрушек: ножи, сабли, пистолеты, мушкеты, чучела... Кроме того, в самой дальней комнате стоят клетки со всякой живностью: ужи, шустрый хорёк, барсучата, лисята, щеглы, скворцы, старенький филин. Короче говоря, детям в замке будет не скучно... А дамы будут заняты умными разговорами о последних веяниях моды, моя Аврора расскажет свежие и пикантные сплетни из жизни европейских королевских дворов... Мы же, мужчины, немного прогуляемся по свежему воздуху и поболтаем о серьёзных мужских делах. Вы не против, господа?

– Государь, извините меня! – неожиданно вмешался в беседу Томас Лаудруп, по-прежнему сжимающий в ладони правой руки арабскую саблю. – Но, к какой из групп отношусь я? Мне – буквально на днях – исполняется тринадцать лет...

– Тринадцать лет? – рассеянно переспросил шведский король. – Это очень солидный возраст! В тринадцать лет я уже убил своего десятого медведя... Тебя ведь Томасом зовут? Ты, Томас, уже, безусловно, являешься настоящим мужчиной и можешь пойти вместе с нами. Кстати, эту саблю дамасской стали можешь забрать себе. Дарю! Только смотри, не порежься! А то у твоей матушки, мадам Гертруды, такие глаза... Боюсь, что она большая и очень умелая мастерица – устраивать славные головомойки...

Отойдя от бревенчатого замка километра на полтора, они вышли на овальную полянку, щедро поросшую белым мхом. На середине поляны располагался прямоугольный, грубо сколоченный стол, по периметру которого были расставлены такие же грубо сколоченные скамейки и табуреты.

– Добро пожаловать, друзья, в мой «лесной кабинет»! Присаживайтесь, господа, и будьте как дома! – добродушно махнул левой рукой Карл, опираясь правой на дарёную медвежью

рогатину, которую зачем-то прихватил с собой. – За этим столом мною было подписано множество разных и важных бумаг. Например, о переустройстве работы шведского Сената, об объявлении войны Дании... Давайте, сэр Александэр, рассказывайте о вашем деле, не стесняйтесь!

Егор начал излагать просьбу, стараясь выразиться максимально осторожно и обтекаемо:

– Да, государь, я впал в немилость у царя Петра и теперь вынужден странствовать по миру под собственным флагом. Так, уж, получилось...

– Надеюсь, что эта ваша немилость, сэр Александэр, не связана с нарушением кодекса рыцарской чести? – тут же хмуро поинтересовался Ерик Шлиппенбах, взволнованно поглаживая длинную седую бороду.

– Могу поклясться господом Богом нашим, что моя честь не запятнана!

– Даже, наоборот! – неожиданно заявил юный Томас Лаудруп. – Сэр Александэр защищал честь своей благородной супруги...

– Ни слова больше! – повысил голос Егор. – Некоторые вещи не предназначены для широкого оповещения. Тем более что у царя Петра остался в заложниках мой младший сын, Александр.

– Вот, как! – задумчиво прищурился шведский король. – Тогда мы с генералом Шлиппенбахом поумерим любопытство... Излагайте просто и доходчиво, уважаемый сэр Александэр, чем мы можем вам помочь. В разумных пределах, естественно.

– Для того чтобы мне вернули сына, я должен внести в царскую казну сто пудов чистого золота, – сообщил Егор. – Поэтому я – вместе с верными друзьями – следую в дальние восточные земли, богатые золотоносным песком. Вот, собственно, и всё, если коротко. Но путь предстоит очень дальний, нам нужны дополнительные корабли. И для возможных сражений с коварными морскими разбойниками, и для перевозки всех тяжёлых грузов, которые нам будут необходимы в дальнейшем.

– Восточные земли? – уточнил Карл. – Извините, любезный сэр Александер, но я несилен в географии. Вы сейчас говорите об Индии?

– Не совсем. Конечная точка нашего маршрута лежит несколько восточнее и севернее...

– Хватит, хватит! – усмехнулся Карл. – Будьте так добры, не морочьте мне голову! Все эти сказки про то, что наша Земля круглая, а если плыть на запад, то непременно приплывёшь в восточные земли... Избавьте меня от этих заумностей! Я, всё равно, толком ничего не пойму! Итак, сколько надёжных морских посудин вам требуется?

– Нам будет достаточно двух новых многопушечных кораблей, – скромно потупившись, известил Егор. – Понятное дело, что полностью укомплектованных опытными командами, с необходимыми продовольственными и огневыми припасами. Ещё нужны надёжные кирки и лопаты, топоры и пилы, бронзовые и железные гвозди, походные кузны, тёплая зимняя одежда, оконные стёкла... В России мы были вынуждены собираться в страшной спешке и многих важных вещей не захватили с собой...

– Не загружайте, ради Бога, меня ненужными подробностями! Что за оказанную помощь получит шведская корона?

– Золото, государь! Сто пудов отходит царю Петру. Всё, что удастся добыть сверх того, я предлагаю разделить на три равные части: треть мне и моим людям, другая – тем, кто будет плыть на двух шведских судах, остальное – в вашу казну...

– Не в мою, а в государственную! – гордо вскинув голову, педантично уточнил Карл. – Пусть будет по-вашему, сэр Александэр, я ненавижу торговаться! – вопросительно посмотрел на Ерика Шлиппенбаха.

– Я буду безмерно счастлив, государь, если вы разрешите мне сопровождать доблестного сэра Александэра в этой славной эскападе! – взволнованно прижав ладони рук к груди, заверил старый генерал.

– Что думаешь по кораблям?

– Предлагаю задействовать 64-х пушечный фрегат «Орёл» и 22-х пушечную бригадину «Крестину»!

– А почему – не два фрегата?

– «Крестина» очень быстроходна, государь! – объяснил Шлиппенбах. – В таких опасных делах скорость иногда бывает важнее огневой мощи! Опять же, на этих судах шкиперами ходят мои родные племянники – Фруде и Ганс.

После двухминутного раздумья Карл велел:

– Пергамент, перо и чернила!

Шлиппенбах торопливо раскрыл чёрную кожаную сумку, висевшую на его плече, и сноровисто разместил на столе перед королём всё просимое.

Карл писал торопливо, щедро разбрызгивая во все стороны чернильные брызги и высунув от усердия на сторону розовый язык. Закончив, он ещё раз перечёл написанный текст и неожиданно заявил:

– А этот документ я подпишу – только после завершения медвежьей охоты!

– Г-государь, к-как же так...

– Никогда нельзя спорить с королём, – настойчиво зашептал Егору в ухо генерал Шлиппенбах. – Карл – настоящий швед. А шведское упрямство – самое упрямое упрямство во всём мире...

Выстроившись цепочкой, они неторопливо продвигались на запад по узкой и извилистой тропе. Первым – с русской рогатиной на плече – гордо вышагивал шведский король.

Неожиданно в нос Егора ударил острый и невыносимый запах, вернее, гнилостная вонь – с ярко-выраженными трупными нотками. Впереди замаячил чёрный прямоугольный провал, выложенный по периметру толстыми дубовыми досками. За провалом виднелась покосившаяся от старости бревенчатая избушка.

«Не иначе, медвежья яма!», – предположил сообразительный внутренний голос. – «Что-то похожее Саня Бушков описывал – в одной из своих нетленок...».

Карл достал из кармана потёртого серо-зелёного камзола маленький медный свисток, резким движением поднёс его к узким губам и сильно дунул. Звук получился неожиданно чистым и громким. Через несколько секунд широко распахнулась низенькая дверь избушки, и оттуда торопливо выскочили два высоченных и широкоплечих субъекта, судя по одежде, состоящие в должностях егерей. А из-за толстых сосен – один за другим – вышли с десятков хмурых мужчин, облаченных в неприметные костюмы обыкновенных стокгольмских обывателей. Только, вот, у каждого мужичка в руках было по серьёзному пистолету.

«Телохранители, понятное дело!», – уверенно пояснил внутренний голос. – «А ты, братец, всё удивлялся, почему это Карл так беспечен и не окружён толпой верных слуг, вооружённых до самых зубов...».

Шведский король, отведя в сторону егерей и охранников, принялся негромко давать им какие-то пространные указания, размахивая во все стороны длинными руками. А Егор, Ерик Шлиппенбах, Людвиг и Томас Лаудрупы по тропе, выйдя к старенькой бревенчатой избушке, подошли к провалу и осторожно заглянули вниз.

Яма была прямоугольной – метров тридцать пять на пятьдесят, но, при этом, не очень-то и глубокой – метров шесть-семь, не больше. На дне виднелись многочисленные, беспорядочно разбросанные кости, осиновые брёвна и толстые берёзовые чурбаки, изгрызенные во многих местах.

– Как же воняет сильно! – возмутился Томас Лаудруп, прикрывая нос рукавом камзола. – У них тут что, свалка мусора? Или – мыловарня? – громко завизжав, мальчишка мгновенно отпрыгнул назад.

Это из овальной норы-берлоги, вырытой в одной из стен ямы, неожиданно вылез, плотоядно посматривая на незваных гостей, облезлый, светло-бурый матёрый медведь. Зверь нахально облизывался, гордо демонстрируя жёлтые кривые клыки, и недобро шурился, тихонько позванивая толстой железной цепью. Но вёл себя косолапый гигант мирно и спокойно – не рычал и к краю ямы, где стояли зрители, не бросался.

Цепь, прикреплённая к бронзовому ошейнику на шее зверя, была достаточно длинной – она вольготно змеилась широкими кольцами по дну ямы, после чего поднималась наверх, оборачиваясь вокруг здорового гранитного валуна.

– Король решил поохотиться на медведя с помощью русской рогатины? – восторженно спросил вернувшийся Томас Лаудруп. – Это же... Это же просто великолепно! Он – отчаянный смельчак!

«Скорее, уж, отчаянный глупец!», – подумал про себя Егор. – «Отчаянный шведский упрямец...».

Карл Двенадцатый, за которым следовал дюжий егерь со свёрнутой верёвочной лестнице на плече, подошёл к ним с другой стороны ямы и, ласково поглаживая древко рогатины, веско сообщил:

– Я решил убить медведя. Прямо сейчас, с помощью русской рогатины, и этим всё сказано... Возражать мне – не советую! А на дыбы этот мишка встанет, никуда не денется, я вам обещаю. Мои молодцы примутся равномерно дёргать за цепь – до тех пор, пока зверюга не поймёт, что от него требуется... Что ещё? Никакой подстраховки не будет! Ибо, это не честно, у противников должны быть равные шансы на победу... У вас же, господа, нет при себе огнестрельного оружия? Вот, и славно! И мои охранники получили строгий королевский приказ – не пользоваться пистолетами и никому их не отдавать в течение часа... Посмотрим, о каких таких незабываемых чувствах говорила моя прекрасная и высокоумная Аврора...

«Это, братец, полный провал!», – запаниковал внутренний голос. – «Древко рогатины обязательно сломается, косолапый порвёт Карла в клочья, а вас всех арестуют – как подлых русских шпионов. А потом, понятное дело, казнят на дворцовой площади... Интересно, Пётр Алексеевич обрадуется такому повороту событий? Или, наоборот, огорчится?».

– Ваше величество, позвольте два слова наедине! – взмолился Егор. – Дело идёт о рыцарской чести!

Выслушав аргументы Егора, шведский король задумчиво покачал головой и признался:

– Пожалуй, сэр Александэр, вы правы! Это будет не по-честному – по отношению к медведю. Совершенно не по-рыцарски... Ещё, не дай Бог, по Европе поползёт дурная слава, мол, шведский Карл – подлец и бесчестный самодур... Ладно, придётся, всё же, подождать до холодов и снегов. Но зимой, сэр Александэр, я обязательно воспользуюсь вашим чудесным подарком. Обязательно! Честью клянусь!

Они вернулись в королевский «лесной кабинет» и расселись по прежним местам.

– Я – человек слова! – пафосно заявил Карл, макая гусиное перо в чернильницу. – Более того, я ещё и щедр! Поэтому все эти лопаты, топоры и прочее, необходимое для вашей экспедиции за золотом, будет оплачено за счёт шведской казны... Разрешите полюбопытствовать, господа, а где вы планируете сделать первую остановку? В Копенгагене? В Лондоне?

– В Плимуте, ваше величество! – почтительно ответил Лаудруп.

– Да? И зачем же? – непонимающе нахмурился шведский король.

– Нам, ведь, предстоит идти по морям, где полным-полно кровожадных пиратов, – буднично пояснил датчанин. – Необходимо навести некоторые справки, уточнить кое-что. А знаменитые портовые кабачки Плимута – самое подходящее место для этого, там знают всё и про всех... Кроме того, нам нужна подробная, а, главное, достоверная карта Магелланова пролива. Подлые и жадные португальцы наводнили всю Европу гадкими подделками. А в Пли-

муте, надеюсь, нас не обманут... Ну, не мыс же Горн, в самом деле, огибать с юга? Это мероприятие – сугубо на любителя. А с нами путешествуют прекрасные дамы и маленькие дети...

Глава седьмая

Да только в Плимут воротиться – нам не придётся никогда...

Из Стокгольма они вышли только через неделю. Ничего не поделаешь, дел всяких навалилось – выше шпиля шведского королевского дворца. Загружали в корабельные трюмы надёжный шанцевый инструмент, зимнюю одежду, охотничьи ружья, капканы на диких зверей, пустые бочки для засолки рыбы и мяса, собственно – соль, гвозди и скобы, пилы и топоры, полосы железа и походные кузницы, надежные свёрла и всевозможные рыболовные снасти... А ещё стокгольмские мастерицы изготовили пять (с запасом, на всякий случай) новых флагов – с чёрными златоглазыми кошками на фоне нежной утренней зари.

На борт «Орла», не считая корабельной команды, взойшло пятнадцать широкоплечих шведских гренадёр под предводительством бравого длинноусого капитана. В качестве своего полномочного представителя Егор определил на этот фрегат Фрола Иванова. А команда «Кристины» была усилена Ериком Шлиппенбахом – в сопровождении десяти опытных охотников из северного фамильного поместья генерала, а также Николаем и Иваном Уховыми.

«Может, стоит взять с собой лохматых северных собак?», – сомневался рачительный внутренний голос. – «А, что? Шведы зимой тоже иногда перевозят разные грузы на собачьих упряжках... Нет, наверное, не стоит. Передохнут все хвостатые и лохматые друзья человека за время долгого плавания. Тропики всякие, шторма, опять же. Да, на кораблях и так тесно, плюнуть некуда...».

Ранним утром, едва жёлтое солнце выглянуло из-за неровной линии горизонта, корабли, покинув гостеприимный стокгольмский порт, повернули на юг, выстроившись в некое подобие походной колонны. «Александр», «Король» и «Орёл» шли друг за другом, держа между собой разумную дистанцию, а быстроходная «Кристина» передвигалась странными зигзагами, отходя от основных сил то в одну, то в другую сторону.

«Прямо-таки, «свободный художник», выражаясь футбольным языком!», – высказался разносторонне развитый внутренний голос. – «Натуральный Андрей Аршавин, блин морской пересоленный...».

Уже после обеда, когда все дети – по устоявшейся русской традиции – уснули на час-другой, а взрослые, чтобы не мешать ребятишкам, поднялись на палубу, на западе замаячили размытые очертания какого-то большого острова.

– Готланд! – громко и торжественно объявил Лаудруп.

– Оплот виталийских братьев, бывшее пиратское гнездо! – с непонятными интонациями в голосе добавила его жена Гертруда.

– Почему – пиратское гнездо? – тут же заинтересовалась Санька, любопытная сверх всякой меры. – И что это за виталийские братья такие?

– Пусть Герда рассказывает! – криво усмехнувшись, предложил датчанин. – Она гораздо лучше меня разбирается в пиратских делах, да и практического опыта у нее будет несколько больше...

– Скажешь тоже! – неожиданно засмушалась Гертруда, но уже через пару минут, как ни в чём не бывало, приступила к рассказу: – Всё началось ещё лет пятьсот тому назад, когда на всём балтийском побережье действовало так называемое «береговое право». Ну, это когда всё, что выбрасывается морем на берег, принадлежит именно тому, кто это «всё» и нашёл. Сперва жители рыбацких деревушек по-честному довольствовались только грузом судов, которые по-настоящему потерпели кораблекрушение. А потом они вошли во вкус – вероломно нападут на зазевавшийся корабль, безжалостно перебьют всю команду, товары выгрузят на берег, а само

судно потом посадят на мель. Мол, ничего знать не знаем, ведать не ведаем, рано утром проснулись, а корабль уже прочно сидит на прибрежных камнях, вся команда куда-то разбежалась... Груз, понятное дело, наш – в соответствии с «береговым правом». Дальше – больше: началось откровенное, ничем не прикрытое пиратство... Долго этого германские купцы и корабельщики терпеть не стали. Лет четырёхста пятьдесят тому назад они организовали полувоенный союз – Ганзу – и стали бороться против пиратов, топить их суда, безжалостно жечь деревеньки. Тогда и пираты объединились, создав виталийское братство. Почему – «виталийское»? Нет, теперь этого уже никто толком и не помнит... Так вот, начались постоянные войны между ганзейцами и виталийцами, и шли эти сражения – с переменным успехом – очень много лет подряд. В какой-то момент виталийские братья решили, что и им необходимо создать что-то вроде настоящего государства. Взяли и отбили у датчан весь этот остров Готланд, а в городе Висбю устроили пиратскую столицу. Потом на побережье острова виталийцы построили, даже, несколько настоящих крепостей: Вестергарн, Варвсхольм-Ландескрене и Слите. Видите, дымки поднимаются над холмом? Это он и будет, городок Висбю...

– Как же так? – всерьёз забеспокоилась впечатлительная Санька. – Там, что же, и сейчас живут мерзкие пираты?

– Нет, конечно же, – улыбнулась Герда. – Всего-то пять-шесть лет виталийское «государство» просуществовало на Готланде. А потом в дело вмешался Тевтонский рыцарский орден. Эти ребята были жутко серьёзными. В те времена они всю Европу держали в своих неласковых руках, вдетых в железные перчатки-рукавицы. В прусском порту Мариенбурге рыцари собрали очень большую эскадру, потом дружно навалились на виталийцев, разбили их вдребезги, а все пиратские крепости сровняли с землёй. Только очень немногим джентльменам удачи удалось вырваться в Северное море и спрятаться на дальних Фризских островах...

Ещё через две с половиной недели эскадра путешественников – на этот раз под шведскими королевскими флагами – подошла к Плимуту. Это генерал Шлиппенбах посоветовал, ещё перед отплытием из Стокгольма:

– Сэр Александэр, вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня, но только для ваших славных златоглазых кошек время ещё не пришло. Датские проливы – Эресунн и Каттегат – они очень узкие и «людные», если так можно выразиться. Это в том смысле, что по этим проливам всегда ходит – туда-сюда – множество самых разных судов. И, вдруг, с востока, со стороны знаменитого острова Готланда, подходит эскадра под «чёрными кошками»! Что нормальные люди могут подумать и вообразить? Всем, ведь, известно, что чёрный цвет – пиратский... Понимаете, о чём я толкую? Те, у кого с нервами не всё в порядке, могут запросто и из пушек пальнуть... То же самое и в английском Плимуте. Долго нам придётся объясняться – по поводу «кошек» – с их портовыми службами. А шведский флаг во всей Англии очень уважают. Наш король Карл постоянно закупает на туманном Альбионе самые разные товары, в основном, военные да корабельные. А иногда, даже, и половину английского флота берёт в солидную денежную аренду. Например, когда несколько лет назад шведы штурмовали Копенгаген, то все наши войска прибыли в Данию на английских и голландских кораблях... Когда же мы отойдём подальше от европейских берегов, вот, тогда и поднимем «кошек», пусть все встречные гадают – кто мы такие и откуда...

Все эти восемнадцать суток плавания прошли достаточно комфортно и спокойно: ветер был или попутным, или близким к таковому, шторма и шквалы отсутствовали. Только в проливе Ла-Манш очень, уж, донимала противная боковая качка, и сухопутным пассажирам эскадры пришлось несладко. Всем, за исключением Герды Лаудруп и Лизы Бровкиной, которые, как ни в чём не бывало, сидели себе на кровати и, весело грызя краснобокие шведские яблоки, беспечно болтали – как две старинные и закадычные подружки – о разной дамской ерунде.

Эскадра подошла к плимутской гавани ранним утром, ещё до завтрака, когда жёлтый шар солнца только тронулось в долгий путь от одной линии горизонта – через всё небо – к линии горизонта противоположной. Егор и Санька, крепко держась за руки, стояли у поручней капитанского помоста и с интересом наблюдали за английским берегом, вдоль которого продвигались корабли.

Скучный, желтовато-серый скалистый берег, на котором – время от времени – проступали грязно-зелёные пятна английских равнин, всё тянулся и тянулся. Казалось, что он бесконечен – как само Время. И, вдруг...

Вдруг, берег резко отступил на север, поменяв при этом свою блёклую окраску на очень яркую – изумрудно-зелёную. Гавань, открывшаяся любопытным взорам путешественников, была густо усеяна неподвижными чёрными точками – стоящими на якорях кораблями, тут и там виднелись светло-бежевые, величественные пирамиды парусов.

– Очень интересное и непростое место – этот Плимут! – пояснил стоящий рядом с ними адмирал Лаудруп. – Климат – просто удивительный! Самое тёплое и комфортное место во всей Англии. Здесь, даже, настоящие пальмы растут. А какие тыквы вызревают по осени – с места не стронуть! Сэр Александэр, вот, возьмите подзорную трубу. Смотрите в неё, а я буду вам рассказывать... Весь этот берег называется – полуостров Корнуолл. А мы сейчас входим в залив Плимут-Саунд, в него, как раз, и впадает маленькая речка Плим, которая и дала название всему городу. Дальнее и беспорядочное скопление цветных домишек – за низкими крепостными стенами – и есть знаменитый город-порт Плимут. Справа от него располагаются серьёзные ремонтные доки и корабельные верфи, слева – серьёзные корабельные верфи и ремонтные доки... Конечно же, Плимут, по сравнению со славным голландским Амстердамом, ерунда полная, а не солидный и полноценный морской порт. Но именно отсюда – последние сто лет – и отплывали английские суда к берегам обеих Америк. И, как выясняется уже задним числом, добрая треть из них была – с кровавыми пиратами на бортах. Причём, у многих из тех морских разбойников на руках имелись охранные королевские грамоты. Да, тёмные дела... А ещё в местных водах шастает ужасно много гадких рыбаков на их маленьких корытах, которые постоянно путаются под днищами у солидных кораблей... Енсен! – неожиданно завопил датчанин. – Срочно подними сигнал, что мы обойдёмся без английского лоцмана! – вновь обратился к Егору. – Пусть услугами лоцмана пользуются сопливые мальчишки! А настоящий морской волк всегда самостоятельно найдёт дорогу в гостеприимную гавань! – на десять-двенадцать секунд задумался и выразил некоторые сомнения: – Хотя, в нашем конкретном случае, назвать эту гавань гостеприимной может только законченный идиот...

Швартовка на Спитгедском рейде примутского порта заняла достаточно много времени – только уже после обеда, ближе к вечеру, корабли эскадры благополучно бросили якоря за длинным островом Вайтом, в полумиле от портового причала. Рядом с ними стоял английский фрегат сторожевой эскадры, поэтому уже через считанные минуты на борт «Короля» поднялись представители портовых властей. Впрочем, английские чиновники очень благосклонно и милостиво отнеслись к представителям интересов славного Карла Двенадцатого, сразу же поверив в легенду о важной торговой миссии вновь прибывших. Так что, разрешение на посещение берега было получено в самые сжатые сроки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.